

КСЕНИЯ ЛЕСТОВА И ЛИДИЯ ЧИКА

НЕ ХОДИТЕ,
ДЕВКИ, ЗАМУЖ,
НЕ ХОДИТЕ ЗА ЦАРЯ

Ксения Алексеевна Лестова
Лидия Сергеевна Чайка
Не ходите, девки, замуж,
не ходите за царя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69878086

SelfPub; 2023

Аннотация

Сколько раз я говорила батюшке, царю Тричетвертого государства, что не хочу замуж. Не люб мне никто из царевичей местных. И ругалась, и ногами топала, и посуду даже била – все без толку. Уперся рогом. И как быть? А тут еще и царь с самого Буяна приплывает. Уж не хочет ли и он тоже ко мне свататься? А с ним, поговаривают, еще и кот ученый едет. А слухи про этого рыжего разные ходят. Хотела было снова батюшку поумолять, но тот лишь рукой махнул. Сказал, чтобы платье подвенечное выбирала, да украшения. Как только он это произнес, я поняла, что пропала.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	34
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ксения Лестова, Лидия Чайка

Не ходите, девки, замуж, не ходите за царя

Полетела душа через край напролет,
Говорят, хороша царевна живет.
Над землей неспеша мимо туч, мимо бед
Полетела душа за нею на свет.

Ты меня не бойся, я не буря, я – прибой.
Ты меня не бойся, я приехал за тобой.
В каждом моем вдохе – твое имя живет.
Я знаю, кто ты есть, я знаю, что нас ждет.
Дмитрий Колдун – «Царевна»

ПРОЛОГ

– Мр-р-р-р, – заурчал кот и потерся макушкой о сапог царя. – Ну, не серчай, Гвидонушка.

– Отстань, усатый, – тяжело вздохнул мужчина и оперся ладонями о борт корабля.

В лицо дул свежий ветер, играя белоснежными волосами. Царь Краснограда хоть и выглядел молодо, но на самом деле ему шла уже не одна сотня лет. А во всем яблочки молодильные виноваты были. Только после смерти царицы Лебеди он перестал их есть, решив, что без жены, проживать вечность одному нет смысла.

– Ну не горюй, царь, – снова замурлыкал рыжий кот. – Развеемся, узнаем, как там за горизонтом люди живут, и вернемся обратно.

– Я не горюю, Тимофей, – сказал Гвидон, продолжая смотреть на бескрайний океан. В его побледневших голубых глазах, которые выдавали возраст, не отражалась ни одна эмоция. Переживает ли он сейчас, спустя полтора года после ее кончины, и сам уже не знал.

– Любозар справится. И перестань думать о Лебеди, – Тимка передернул густыми усами. – Это ты в ней души не чаял, а вот она...

– Хватит, – прервал поток слов царь. – Твою позицию я понял, усатый. А теперь оставь меня одного. Мяуканье стало

раздражать...

– Неблагодарный!

– Тим!

– Иду-иду, – буркнул кот и направился прочь от своего собеседника.

Лишь на краткий миг в глазах Гвидона загорелась бывлая веселость. Может, Тимофей прав и стоит немного развеяться? Как давно он не был на большой земле? Только в Дьявольскую пустошь иногда выбирался и все полностью поглощенный государственными делами. Даже рождение внучки прошло мимо него.

– Мяу-у-у... – раздалось за спиной мужчины. – Мяу-мяу-у-у-у...

– Ну, в чем дело?! – не выдержал Гвидон и обернулся.

– А в чем дело? – хитро захлопал глазками кот ученый.

– Ты специально над душой стоишь?

– Я на ней еще и потоптаться могу, – произнес наглый кошак.

– Горжетка потенциальная, – беззлобно сказал царь Краснограда.

– Мяу?

– Отправляемся! – разнесся по палубе голос капитана корабля.

Впереди было три дня плавания в компании невыносимого рыжего прохвоста. Что могло быть еще хуже?

Глава 1

А я не хочу, не хочу по расчету!

– А я сказал, выдам! – расплылся батюшка.

– А я сказала, не пойду! – воскликнула и разбила уже десятую тарелку.

– Ярослава!

– Очень приятно, тезка! – выпалила я и схватилась за расписное блюдечко.

– Ярослава! Это фамильный сервиз! – взвизгнул царь Серомор.

– Ничего не знаю!

Вид разбитого фарфора прошелся ножом по сердцу царя.

– Ах, – пожилой мужчина схватился за сердце, – на кого я оставляю государство!

– На старшего брата!

– Ярослава!

– Я все сказала, – во мне клокотала злость. Как посмел он, решать за меня, кого мне в мужья выбирать?

– Выдам! Все равно замуж пойдешь!

– Не пойду! – снова звук разбиваемой посуды.

Я вбежала в свою комнату и захлопнула дверь перед самым носом отца. Еще и закрыла ее на замок для надежности. Пусть знает, что я разговаривать с ним не желаю. Поправила

растрепавшиеся каштанового цвета волосы, нервно провела руками по сарафану и выдохнула. В дверь постучали. Да так, что она чуть с петель не слетела. Эх, и силен царь Тричет-вертого государства.

– Дочка, – отец попытался говорить спокойно, – послушай меня. Завтра царь Краснограда пребывает. Ты должна понять меня. Мы обязаны укрепить наш союз. А он вдовец!

– Он старый! – я поморщилась.

– Да и тебе уже не шестнадцать! – отрезал Серомор.

– Мне двадцать один! – моему возмущению не было предела.

– Старая дева.

– Что-о-о?!

– Все, Ярослава. Этот вопрос не обсуждается. Готовься к свадьбе. Платье подвенечное выбирай, да украшения.

Открыла дверь и встретила с гневным взглядом бабушки. Лицо красное, правый глаз дергается. Ух...

– Он старый! – повторила я. Он что, действительно не понимает?

– Он молодильные яблоки ел.

– И что? – я сложила руки на груди и хмуро посмотрела на мужчину. – Ты снова решаешь за меня.

– Я твой отец и государь. И кому как не мне решать твою судьбу.

Стихия зашевелила волосы, ласково заскользила по щекам и шее. Она попыталась успокоить и утешить свою хозяй-

ку.

– Не вздумай использовать силу! – пригрозил отец.

А послушный мне воздух, дотронулся до ладоней, пробежал по подолу сарафана...

– Ярослав, – донесся издалека голос царя, – если ты не перестанешь, я лишу тебя и домашнего обучения.

Воздух тут же прекратил свои игры. Недовольно посмотрела на отца.

– Ты и так не особо обрадовался моему дару и запретил учиться в Школе Ворожбы!

– Для твоего же блага!

– У тебя все для моего блага! – по щекам потекли слезы обиды. – Оставь меня!

Серомор видимо заметил, что сейчас до нерадивой дочери достучаться не получится, и потому вышел из комнаты. Я же села прямо на ковер, закрыла лицо руками и заплакала в голос. Почему он всегда все решает за меня? Даже битье посуды в малой гостиной толку не дало. Привык, наверное, что я не щажу сервизы. Как мне объяснить ему, что рано мне замуж выходить. Сначала дал бы силой овладеть в полной мере, а потом и заговаривал о долге перед государством.

Отняла руки от лица и посмотрела на закрытую дверь. Интересно, а сам Гвидон – царь Краснограда, что стоит на острове Буян, в курсе, что его на мне женить хотят? Потому что если он сюда плывет для того, чтобы ко мне свататься... Бабушка добьется своего. Силой замуж выдаст. А если с царем

заморским еще и кот ученый прибудет, про которого слухи разные ходят, то мне вообще лучше самой удавиться.

Но долго на ковре я не усидела. Что же мне теперь, слезы из-за какого-то заезжего царя лить? Еще чего! С родителем спорить более не стану. Вдруг получится уговорить Гвидона не связывать себя новыми узами брака?

Встала, оправила синий сарафан, который невероятно подходил к моим глазам, и с гордо поднятой головой направилась на выход из своей комнаты. Спустилась по резной деревянной лестнице и вышла на улицу. Ветер, мой верный друг, снова начал ласкать мое лицо. Я довольно улыбнулась и, разведя руки в стороны, запрокинула голову, растворяясь в своей стихии. Ноги оторвались от земли, и я почувствовала, что парю. Зашелестела листва, кружа вокруг моего тела. Как же хорошо...

– ЯРОСЛАВА!!! – грозный рык отца, и воздух выпустил меня из своих объятий.

Ойкнув, упала на землю, сильно приложившись копчиком. Серомор широкими шагами преодолел разделяющее нас расстояние и навис сверху.

– Ярослава, – постарался говорить спокойно, – что ты вытворяешь?

– А что я вытворяю? – непонимающе спросила.

– Посмотри туда! – он указал рукой на ближайшую березку, у которой на ветках не осталось ни одного листочка.

– Ой, – только и смогла произнести.

– Дочь, ну в кого ты такая непутевая? – покачал отец и помог мне подняться.

Встав, стала усиленно потирать ушибленную часть тела.

– В матушку, наверное, – произнесла.

– Твоя покойная мать столько хлопот не доставляла.

– Зато была славной огненной ведьмой.

– Да-а-а, – протянул царь Тричетвертого царства, – огонь в ее руках становился ласковым котенком.

– Кстати, о котиках, – спохватилась я. – Скажи... а с царем Красноградским кот ученый не приезжает?

– Слухи ходят, – отец нахмурился и провел широкой ладонью по седой густой бороде, – что приплывет вместе с Гвидоном рыжий интриган.

– Отец...

– Не начинай снова! – тут же понял, что я хочу сказать, мужчина. – Гвидон согласится на союз и тогда...

– Но, папочка...

– Тогда я отдам тебя ему. И не спорь! Это лучшая партия для тебя.

Ну, вот... снова все без толку. Почему, когда дело касалось какого-нибудь местного царевича, батюшка почти сразу сдавался, а сейчас... Уперся рогом.

– Разве можно жить с нелюбимым? – печально спросила я и посмотрела в усталые карие глаза.

– Можно, – вздохнул он и погладил меня по голове. – Брат твой, когда женился, царевну Ариадну не сразу полюбил.

– А если я не полюблю его никогда? Что тогда?

– Ничего, дочка. Придется смириться. Будь мы простыми жителями царства, я бы прислушался к твоему мнению. Но, прости, я все же царь. И в первую очередь должен думать о государстве.

Я с силой сжала кулаки. Ему легко говорить. Они с мамой сразу же полюбили друг друга и жили счастливо тридцать лет. И когда матушка умерла от болезни странной, которую даже целители вылечить не смогли, так и не оправился от удара.

– Это несправедливо.

– У меня нет другого выбора.

– Но он старый! – снова повторила, как мне казалось, весомый аргумент.

– Вот прибудет завтра с дружественным визитом, и узнаем – старый он или нет.

– Ты жесток ко мне.

– Я желаю тебе только блага.

– Отправляя на Буян с нелюбимым мужчиной? – почему он никак не хочет меня понять?

– Иди в свою комнату, Ярослава, – вздохнув, сказал Серомор.

Бросив на отца последний взгляд, направилась обратно в сторону дворца. Гвидон прибудет завтра. Хорошо. Тогда и решим, что делать дальше.

Утро пробежалось теплыми лучиками по моему лицу, заставляя пробудиться ото сна. Сначала открыла один глаз, потом второй. Сладко потянулась и встала с постели. На губах заиграла улыбка, которая почти тут же померкла, лишь стоило мне вспомнить, что сегодня за день. И солнышко уже не грело, а обжигало кожу. Соскочила на пол, ступая босыми ногами по мягкому ковру. Вот возьму, оденусь как чучело огородное, что тогда? Согласится ли на брак с замухрышкой, пусть и царских кровей?

Выбрала самый простой сарафан, сбоку которого подол был немного порван. Помнится, лазила я как-то на яблоне, зацепилась за сучок, вот и появилась дырка. Отцу о том не рассказала. Как знала, что пригодится. Еще и рубаху старенькую взяла. Вдруг, кроме жалости ничего более и не вызову у жениха неожиданного. Волосы оставила распущенными. Еще и расчесала их кое-как, чтобы гости сразу увидели, какая царевна неопрятная. На ноги надела обычные тряпичные ботиночки. Хоть и нововведение, а все же не такое дорогое как черевички или туфельки из дорогой ткани да с натуральным жемчугом. Никаких украшений – только кольцо-оберег и все.

В дверь постучали и в комнату без приглашения влетел царь-батюшка.

– Ярослава! – закричал он. – Ты что...

Увидел мое одеяние и закричал зубами. Ну да, на нем же была расшитая мельчайшим бисером рубаха, из дорогого

качественного материала штаны и дорогие сапоги. А как же мантия на меху? Что, не захотел летом париться? Деспот!

– Я что? – невинно спросила, ожидая, что он дальше скажет.

– Ай, черти с тобой, – махнул он рукой и, схватив меня за запястье, поволок в зал приемов. – И не вздумай меня опозорить! Царь Краснограда с делегацией вот-вот прибыть должен!

Я? Позорить собственного отца? Я что... шут? Признаюсь, было желание устроить какую-нибудь пакость. Но я все же царица. Моего внешнего вида должно вполне хватить, чтобы у Гви отпала охота на мне жениться. Если, конечно, он за этим приехал.

Мы вошли в просторный зал, в котором стоял резной деревянный трон, обитый алым бархатом, длинный массивный стол со скамьями по обеим сторонам. Трон, к слову сказать, находился во главе. Было тут и еще одно произведение искусного ремесленника – деревянный же стул, с резной спинкой, украшенной драгоценными камнями и с замысловатыми завитушками на подлокотниках. Предполагалось, что Гвидон присядет именно на эту красоту. Мне же придется стоять по правую руку от отца.

– А где Доброслов? – спросила у батюшки, когда заняла положенное место.

– Он, с Настасьей поехал проверять ближайшие деревни. Говорят, леший стал чудить: грибников, да путников путать.

Промолчала, нервно поглядывая в сторону двустворчатых дверей. Спустя совсем немного времени они распахнулись, и в зал приемов вошел вещун. Стукнул посохом по полу и громогласно произнес:

– Царь Гвидон с делегацией прибыл!

Все... держите меня семеро. Лишь бы стихия снова не начала буйствовать...

Первым в зал, как ни странно, вошел рыжий кот. Он медленно прошествовал на задних лапах к столу, посмотрел на резной стул, да и запрыгнул на него.

– Тимофей! – за ним следом влетел светловолосый мужчина. – А ну, брысь!

– Ну, Гвидоша-а-а... – протянул наглый кот.

Я во все глаза следила за разворачивающейся картиной, еле сдерживая смех. До тех пор, пока все мое внимание не поглотил Гвидоша-а-а...

Он был высок, подтянут, с невероятно красивого цвета волосами. Они были собраны в низкий хвост, только одна прядка падала на лицо. Глаза у мужчины были голубыми. Хотя мне подумалось, что раньше они были ярче. Почти белоснежная шевелюра мне понравилась. Правда, не смогла понять: то ли она от седины такая, то ли от природы. Да и в целом Гвидон был красив. Но он же старый!

– Тим, слазь! – царь Краснограда потянулся широкой ладонью к коту, чтобы стащить того со стула.

– Царь, – в зал приемов вошли еще пятеро мужчин, – мо-

жет, стоит его казнить?

Посмотрела на говорившего. Низкого роста, с густой бородой и цепким взглядом. Никак, советник.

– Я те казню! – Тимофей выгнул спину и зашипел. – Кота царского и казнить! Мя-я-яу! – Его все же схватили за шкурку и стащили с облюбованного места.

– Прошу простить, – произнес Гвидон, наконец, обращая на нас свое внимание. И замер, внимательно смотря на меня.

А я стояла и не могла пошевелиться. И вот он старый? Это точно тот самый царь Краснограда, которому более трех сотен лет? Сердце, готовое вырваться наружу, стало бешено биться в груди, а щеки запылали. И чего смотрит? Перед ним же чучело стоит.

– Царь Гвидон! – батюшка поднялся со своего места и широко улыбнулся. Как челюсть не вывихнул, странно. – Мы вас ждали. Присаживайтесь, чего же вы стоите.

– Ваша дочь лесная ведьма? – произнес кот и стал продвигаться в мою сторону уже на всех лапах.

– Нет, она ведьма ветров.

– Мр-р-р, да? – на меня посмотрели большие зеленые глаза. – А по одежде и не скажешь. Кажется, тока из леса вылезла. Но хороша-а-а! – кот стал обнюхивать подол моего сарафана. – Нам подходит!

– Тимофей! – от грозного голоса Гвидона я дернулась и отступила назад, за трон батюшки.

– Ну, что-о-о, Гвидош? – кот лениво повернул голову в

сторону своего государя. – Ты думаешь, я сюда за просто так три дня плыл, да от морской болезни страдал?

Светловолосый мужчина бросил на рыжего такой взгляд, от которого хотелось сквозь пол провалиться.

– Ждеслав, думаю твое предложение верно и...

– Ты не посмеешь! – Тим прижал уши к макушке и спрятался за мной. – Где это видано, чтобы кота казнили!

– Можно утопить, – предложил бородатый мужчина.

– Живодер! – зашипел котик. Он определенно начинал мне нравиться.

– Гвидон, – Серомор постарался не обращать на бедлам внимания, – я очень рад, что вы решили навестить нас с дружественным визитом...

– Гви, – тихо заговорил Тимка, – ты присаживайся. Негоже царю Красноградскому стоять. Тем более ты уже не молод, дедом недавно стал...

Дедом?! Кажется, я икнула. Ничего себе конфетки-бараночки. Он стал дедушкой? Вот этот вот высокий, длинноволосый, голубоглазый мужчина, от которого мое сердце готово из груди выскочить?

– Тимофей! – строго прервал кота царь с Буяна и все же решил присесть на резной стул. Устало облокотился на спинку, положил руки на подлокотники и хмуро посмотрел на моего отца. – Говорите, Серомор, что там в вашей голове крутится.

– Понимаете, – царь Тричетвертого государства замялся

и косо посмотрел на меня, – дочь моя уже давно в подходящий возраст вступила. Вы не обращайтесь внимания, что сейчас перед вами она в таком виде стоит. Нрав у нее не спокойный, рука нужна тяжелая. Я же не могу дочери перечить, люблю очень.

Ложь! Любил бы, замуж отдать не захотел!

– Я вот тоже считаю, – Тимофей высунул свою наглую морду из своего укрытия, коим являлся мой сарафан, – что это замечательная идея!

– Значит, ты, горжетка потенциальная, – Гвидон медленно поднялся со стула, – женить меня надумал!

– Ну почему как что, сразу горжетка? – обиделся кот. – Я счастья для тебя хочу!

– То есть я по-твоему, – в голосе мужчины появились угрожающие нотки, – сам разобраться ни с чем не смогу?

– Да ты все по Лебеди слезы льешь...

– Так ты плакса, что ли? – произнесла, хотя не собиралась говорить этого вслух.

– Тебе слово не давали! – раздраженно произнес Гвидон. Все, прошла любовь, завял крыжовник.

– Знаете, что, царь, – я сложила руки на груди и с вызовом посмотрела на Гвидошу-у-у, – я никогда не соглашусь на союз с вами!

Сказав это, направилась на выход из зала приемов.

– Ярослава! – отец звал меня, а я не обращала на это внимания.

Как посмел он в таком тоне со мной разговаривать? Понимаю, сама виновата, не надо было называть его плаксой. Но я не хотела этого говорить, оно само вырвалось нечаянно. И прощения попросить было бы не лишним, вот только... Он так на меня посмотрел, и столько злобы в голосе было, что я сразу же передумала. Еще и на «ты» перешла без дозволения. Ох, и будет ругаться батюшка.

– Простите ее, Гвидон, – Серомор опустил на трон и потер лицо руками. – Она вспыльчива, но зла вам не желает.

– Я знаю, – глухо произнес царь Краснограда и посмотрел в сторону двери, за которой скрылась девушка.

– Хороша, дюже как хороша-а-а, – протянул довольно кот у ног государя. – Бери не раздумывая, Гвидон. Где еще такую найдешь.

– Прекрати, – поморщился царь и посмотрел на Серомора. – Я прибыл сюда не выгодный союз заключать, а подписать новые договора по поставкам товара с обеих сторон.

– Разумеется, – кивнул его собеседник. – Но вы должны понимать, что союзом мы укрепим два наших государства.

– Полностью поддерживаю, – снова подал голос Тим. – Союз нужен.

– Ждеслав!

– Молчу-молчу...

Ненавижу! Ненавижу этот рваный сарафан за то, что он

не хочет нормально сниматься! Уже минут десять пыхчу, ни в какую стягиваться не хочет.

– Тьфу, – стала отплевываться от попадающих в рот и нос волос. – Фр-р-р... да что ж... апчхи!

– Будь здорова, краса, – раздался мурчащий голос со стороны кровати.

Заверещав, стала поспешно одергивать собранный в районе подмышек сарафан. И как этот рыжий сюда попал?!

– Ты пр-р-родолжа-а-ай, – довольно протянул этот наглый прохвост. – А я посмотрю. Потом все Гви расскажу.

– Не посмеешь! – я, наконец, смогла оправить изрядно помятую ткань и сурово посмотрела на котика. – Ты и слова этому... – я запнулась, – этому не скажешь!

– А вот и расскажу, – Тимофей довольно потянулся и зевнул, обнажая маленькие острые зубки.

– Плохой кот! – я ткнула в сторону Тима пальцем. – Брысь с кровати!

– Еще чего, – совсем обнаглел он. – Тут перинка мягкая, подушечки шелковые, и окна на южную сторону выходят. А я тепло люблю.

– А по наглой попе получать любишь? – я уперла руки в бока.

– Нет, это не люблю, – мотнул головой кот ученый.

– Тогда, пошел прочь!

– Не пойду-у-у, – снова протянул Тимофей. – Меня Гвидон из комнат своих выгнал, мне спать негде.

– Еще только день, – нахмурилась я.

– А я уже спать хочу.

– Я силу призову, – погрозила.

– И тебе совсем не жалко бедного старого кота?

– На твоей наглой морде нет ни одного седого волоска, – я с досады топнула ногой. Кота и, правда, было жалко. Вдруг стихия переборщит, и от него только шкурка и останется. А внутри будет суповой набор из костей.

– Ну, оставь у себя, Ярославушка, – жалобно заныл кошак. – Я мышей ловить буду. Тебе в кровать их приносить, чтобы ты не думала, что я халтуру.

– Не надо мне такой радости, – поморщилась, живо представив себе подобную картину. Что-то видеть дохлых мышек мне не очень хотелось. А ведь они еще могут начать пахнуть. – Ладно, – все же сдалась под натиском его печальных зеленых глазок, – оставайся пока. Но вздумаешь совать свой наглый нос в мои вещи, хвост бантиком завяжу. И вообще, как ты сюда попал?

Тимофей развалился на моей кровати, покрутился с боку на бок, будто ему там блохи мешали и произнес:

– Знамо как. Прыгнул на ручку двери, да и открыл.

– Вот так вот просто?

– Элементарно.

– И правда, горжетка потенциальная, – произнесла уже себе под нос, направляясь в сторону ванной. Может там удасться переодеться.

– Вот заладили, – стал возмущаться из-за двери кот. – Горжетка, да горжетка. Ни стыда, ни совести.

– Кто бы говорил! – выкрикнула я.

Сарафан жалобно заскрипел. Ай, была – не была! С силой дернула его вверх и, наконец, почувствовала свободу. Затем сняла рубаху, оставшись в ночнушке из тончайшей ткани. В ванную я зашла с новым комплектом одежды, чтобы сразу переодеться. Но даже рубаху надеть не успела. В щель между дверью и полом просочилась мышь!

– А-а-а-а-а-а!!! – закричала я и, бросив рубаху вгрызуна, который побежал в мою сторону, вылетела из ванной.

Видно, кричала я очень громко, потому что в мою комнату вскоре влетел отец вместе с царем Краснограда.

– Что случилось?! – обеспокоенно спросил батюшка, видя, что меня не убивают. – ЯРОСЛАВА!

Сглотнула, чувствуя, как все тело начинает гореть от смущения. На мне же тончайшая ночнушка! А тут Гвидон... Замер и как-то странно на меня смотрит. Хмурится...

– Вот не можешь ты нормально, Ярослава, – запричитал отец и, стащив со стоящего неподалеку стула цветастый плед, закутал меня в него с ног до головы. Только один нос и торчал. – Простите, Гвидон, обычно она так себя не ведет...

– Повторяетесь, уважаемый, – промурлыкал у моих ног кот. – Не женщина, а шальной ветер. Гвидон, нам подходит!

– Тебе еще не надоело? – спросил царь Краснограда у рыжего прохвоста.

– Мр-р-р... нет, – произнес тот и помчался в ванную комнату. – Мням-мням, мыша, мыша...

Я стояла и не понимала, что вообще происходит. Как в моей комнате оказалась эта пищащая гадость?

– Ярослав, – Серомор снова обратил на меня свое внимание, – вот скажи мне, горе ходячее, ты специально меня изводишь?

Могла соврать и сказать, что таки да, специально. Но это не правдой будет. Не привычна я отца обманывать. Поэтому и помотала головой, давая понять тем самым, что ни в чем не виновата. Оно все само вокруг меня происходит. А я так, просто рядом стою.

– Раз угрозы нет, можем возвращаться в переговорный зал, – раздался тихий, обволакивающий голос светловолосого мужчины, который (о боги) недавно стал дедушкой. И когда успели переместиться из приемного? Наверное, неотложные государственные дела...

– Вы правы, – вздохнул Серомор. – Надеюсь, сегодня больше не будет подобных ситуаций... да дочь?

Меня одарили предупреждающим взглядом. Кивнула, надеясь на то, что и правда, обойдется. Как же я тогда заблуждалась!

Только когда они уходили, заметила, что в коридоре толпились стражники. Ничего себе. Они думали, что меня тут убивают что ли?

– Эх, вкусная мышка попалась, – сказал кот, подходя ко

мне. – Жирненькая.

– Можно без подробностей? – спросила и, пройдя к кровати, повалилась на нее, продолжая кутаться в плед.

– Хочешь без подробностей, пожалуйста, – миролюбиво мурлыкнул Тимофей и пристроился сбоку. – Просто скажу, что мыши у вас тут отменные. Не то, что в Краснограде – одна кожа да кости.

Поморщилась, понимая, что просить этого рыжего о чем-либо бесполезно. Он – тот еще интриган. Правду люд говорит – остерегаться его надо. А то и глазом моргнуть не успею, как замужем окажусь и с во-о-от таким вот животом. И стану не просто женой, но еще и бабушкой. Это в двадцать один-то год!

Сон сморил меня неожиданно.

Проснулась уже поздно вечером. Кота рядом не было, что несказанно обрадовало. Поняв, что проспала обед и ужин, тяжело вздохнула. Живот недовольно заурчал, ругая свою нерадивую хозяйку за незапланированную голодовку. Пришлось вставать и осторожно сходить в ванную комнату, в которой остались мои вещи. Мышки нигде не было видно, так что я быстро подняла с пола рубаху, схватила со стула сарафан и вышла. Все равно было страшно. Хоть кот и дал понять, что поймал грызуна, утешение для меня это было незначительное. Мог ведь и обмануть.

Одевшись, заплела длинные волосы в косу, стянула их на

конце атласной лентой и вышла из комнаты. Путь мой лежал на кухню. Там я залезла в кладовую и достала приличных размеров кусок отварного мяса, немного сыра и хлеб. Кухарки уже не было и пришлось обслуживать себя самой. Ну, ничего, мне не привыкать. Утолив голод, пошла обратно в комнату. По пути мне никто не попадался, будто одна во дворце жила. И пусть он небольшой, но все же... Редко, когда получается почувствовать себя настолько свободной от чужих взглядов. Привыкли дворцовые следить за каждым моим движением, ожидая очередной напасти.

Только зашла в комнату, как услышала многоголосое пищание. Включила магический светильник, который находился неподалеку от входа, и снова завершала от ужаса. Вся моя комната была в мышах!

– Мама-а-а-а-а-а!!! – закричала не своим голосом и попятилась. Воздух заскользил по рукам, опустился на пол и принялся играть мышками, как циркач разноцветными мячиками. Грызуны пищали, я кричала...

– Что опять?! – в конце коридора показался отец.

– Снова мыши, – хмыкнул Гвидоша-а-а.

Стоя у противоположной от моей комнаты стены, я старалась слиться с ней, чтобы никто не обращал на меня внимания. Посмотрела на отца, потом задержала взгляд на царе с Буяна, отметив про себя, что сейчас на нем был не расшитый обережными символами кафтан и кожаные брюки, а вполне обычная рубаха и свободного кроя штаны, заправленные в

сапоги из мягкой кожи (их он, кстати, не менял). А вот ба-
тюшка расхаживал все в том же.

– Дочка, я же просил! – взвыл Серомор.

– Это не я! – во мне стала закипать обида.

– А кто? Только ты способна на такое!

– Я мышей боюсь!

– А так и не скажешь, – строго проговорил отец.

Пока мы препирались, в мою спальню вошел Гвидон. Сти-
хия затихла, и мышки повалились на пол.

– ТИМОФЕЙ! – рыкнул мужчина. – Кошак драный, быст-
ро сюда!

– Мр-р-р... – муркнул рыжий, высовывая нос из-за пово-
рота, где располагалась лестница на первый этаж. – Что слу-
чилось?

– Что случилось? – Гви вышел из моей комнаты и широ-
ким шагом направился в сторону Тимки. – Что случилось,
говоришь?

– Только не за шкурку! – пискнул рыжий и, сжавшись,
прикрыл зеленые глаза.

Царь Краснограда схватил его за загривок и поднял с по-
ла.

– Иди теперь и отлавливай! – сказав это, он опустил Ти-
мофея прямо посередине моей спальни.

– Я столько не съем! – возмутился кот.

– Вообще не волнует, – Гвидоша-а-а сложил руки на гру-
ди.

– Я лопну!

– Готов пойти на такие жертвы.

– Ну, скажи ему, Ярослава! – взмолился прохвост, ища у меня поддержки.

– А что сказать? – опешила я.

– Что согласна выйти за него замуж, и мы уплываем отсюда!

– Вы вдвоем? – на всякий случай переспросила.

– Еще чего, – блеснул в мою сторону глазами Тим. – С тобой, конечно!

– Тогда, не согласна.

– А-а-а-а, горе мне горькое, – застонал рыжий.

– Тим, лови, давай.

– Гвидоша-а-а, помилуй, я старый кот!

– Ты наглая рыжая морда, – отрезал Гви.

Я осторожно подошла к проему двери и стала внимательно прислушиваться к перепалке кошки с царем. Эх, красив, ничего не скажешь. Подтянутый, плечи широкие, глаза пронзительные... Так, ладно, я стала повторяться. И вообще, я не хочу замуж! Тем более за старика. Он же старик, правда?

– Ну, Гвидоша-а-а, – заныл рыжик, – пожалей котика.

– Долго еще прибедняться будешь? – Гви был непробиваем.

Вздыхнув, Тимофей стал по одной вылавливать всех мышек. Никто ему помогать не стал, хотя он очень просил. Даже

угрожал некоторым наделать какую-нибудь пакость в сапог. Все без толку. В итоге, спать я легла поздно. Ну как легла... Так, коротала часы перед рассветом за чтением очередного романа. Интересная книжка попалась. В ней рассказывалось про сильного и мужественного богатыря, который ради любимой готов был отказаться от всего. Даже по девкам ходить, что для мужчины точно был подвиг. А все потому, что до этого момента полкниги расписывалось, как он по этим самым девкам ходил.

Кот спокойно спал на моей кровати и нервно дергал задними лапками. Никак от огромной мыши во сне убегал. Повезло еще, что эти грызуны не успели мне тут делов наделать. И как этот прохвост смог их в таком количестве в комнату загнать?

Солнце уже поднималось из-за горизонта, когда меня стало клонить в сон. Только вот лечь было уже поздно. Все равно поспать никто не даст. Зашла в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок, а когда вышла, застала Тима за очень занимательным делом. И как не услышал моих шагов? Да и дверь я не так чтобы бесшумно открывала.

– Так-так-так... – пробормотал он, суя нос в мой шкаф. – Что у нас здесь... Черевички, лапти, туфляки...

На слове «туфляки» прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться в голос.

– А это что? – кот сел на попу и, склонив голову набок, в задумчивости смотрел на висящие на вешалках сарафаны

и рубахи. – Не годится. Все закрытое, скромное... А Гвидон мужчина искушенный...

Вот так новость. Чем ему моя одежда не по душе пришлась?

Молчу, стою на пороге комнаты и внимательно прислушиваюсь к каждому слову Тимофея.

– Ясно же, – мурлыкал тот, в упор не замечая моего присутствия, – что он сразу на красу глаз положил. Нет, даже не так. Сразу целых два. Как очи-то загорелись, при виде ведьмы ветров. Да он так даже на эту, – в голосе кота послышалось раздражение, – Лебедь не смотрел.

И откуда ему знать, как там Гвидоша-а-а на свою жену поглядывал? Что, у кровати стоял и свечку в пушистых лапах держал?

– Тронешь хоть один сарафан, хвост оторву, – сказала, заметив, как Тим потянулся своими коготками к одному из моих любимых сарафанов.

– Ай, незадача, – рыжий сразу отскочил от шкафа. – Я тут это, – потупил взгляд и передней лапой (левой) стал по ковру водить. – Ты не думай, Ярославушка, я ничего дурного сделать не хотел.

– Я предупреждала тебя, мохнатый, чтобы ты не лазил в мои вещи, – сказала и строго так на прохвоста посмотрела, чтобы он прямо проникся весь моей грозностью.

– Только хвост бантиком не завязывай, – жалобно попросил наглый кошак. – А я тогда Гвидону не расскажу, что ты

обычно под сарафаном носишь.

– Что?! – возмущенно воскликнула. – Ты лазил в мое белье!

– Чисто случайно туда носом залез.

– Врешь!

– А вот сие недоказуемо!

– А ну, пошел вон! – я стала надвигаться ни Тимофея. – И чтобы я тебя больше не видела! И вообще, – я подошла к коту и топнула ногой, – уплывайте, давайте, обратно!

– С тобой, Ярославushка? – с надеждой в голосе спросил кот.

– Без меня!

– Тогда терпи нас еще.

– Кыш!

– Мяу?

– Кыш, говорю!

– Мя-я-я-яу, – протянул Тим и стал ластиться к моим ногам.

– Ты что делаешь? – удивленно спросила, не понимая, что этот интриган творит.

– Поплыли с нами говорю-ю-ю, – мурлыкнул котик. – Подумал, раз ты по-человечески не понимаешь, может, по-кошачьи поймешь.

Я замерла, непонимающе смотря на рыжего. Чего он заладил? Поплыли, да поплыли. Странно это все. И Гвидону я уж никак понравиться не могла. Что у него в Краснограде

красавиц мало? Обязательно меня надо увозить? А я не хочу! Не хочу выходить замуж по расчету! А как же чувства? Любовь? Разве возможно прожить всю жизнь с человеком, которого не знаешь, не любишь и вообще, побаиваешься.

– Тем более, – продолжил кот, – тебе наш царь тоже приглянулся. Не спорь, я все вижу.

– Надо тебе очки подарить – что-то зрением ты слаб стал, – буркнула в ответ. Еще чего не хватало... Чтобы этот хвостатый до Гви донес столь секретную информацию. Если даже и нравится, то что? Подумаешь. Я же его не люблю.

– Обманиваешь кота старого.

– Иди, – махнула рукой на Тимофея, – погуляй лучше.

Кот еще какое-то время крутился возле моих ног, потом, тяжело вздохнув, вышел из комнаты, оставляя меня одну. Заперев за ним дверь, прошла к кровати и, раскинув руки в стороны, упала лицом на так и не расстеленное покрывало.

– Мур-мур-мур...

– Отстань, – отмахнулся от кота царь Краснограда.

Мужчина сидел на ступенях крыльца и устало смотрел на двор. Было еще довольно рано и слуги стали только просыпаться.

– Ну, Гвидоша-а-а...

– Уйди, говорю.

– Не горюй, – не обратил внимания на слова государя приставучий кошак. – Нр-р-равишься ты ей.

– С чего ты взял, что меня это волнует? – приподнял светлую бровь Гви.

– А что тебя еще волновать может?

– Нет желания с тобой на государственные темы говорить.

– Ну, давай поговорим на любовные, – продолжал гнуть свое котик.

Тяжело вздохнув, мужчина встал на ноги и направился во двор.

И чего этот усатый заладил. Он только стал после смерти Лебеди в себя приходить. Гвидон вообще больше не хотел жениться. И пусть Ярослава внешне была красива, даже очень, однако внутреннего ее содержания он не знал. И не хотел знать. Как только все дела касательно сотрудничества с Тричетвертым государством будут улажены, он уплывет обратно на Буян и думать забудет о ведьме ветров.

– Ярослава, – постучав, в спальню вошел отец, – хватит лежать. Тебе разве не сказали, что завтрак уже на столе?

– Сказали, – мой голос был приглушенным, потому что я продолжала лежать на кровати лицом вниз.

– Тогда, пойдем. Негоже заставлять гостей ждать.

– А можно я поем в своей комнате? – я отлепила лицо от покрывала и посмотрела на отца.

– Ярослава!

– Ладно, – тяжело вздохнув, встала с кровати и оправила светло-зеленого цвета сарафан.

В обеденном зале былолюдно. Здесь собралась вся заморская делегация. Разумеется, и царь Гвидон с котом тоже присутствовали. Пожелала собравшимся доброго утра и прошла на свое место по правую руку от бабушки. Гвидоша-а-а сидел с другой стороны.

– Мур-р-р, – под столом раздалось довольное мурчание. – Краса, дай колбаски, а?

Проигнорировала. Желания, кормить этого наглеца не было никакого.

Глава 2

На борту летучего корабля

Эх, конфетки-бараночки, скукота невыносимая. Все сидят, жуют, о чем-то между делом переговариваются. А мне что делать? Особенно, если и кусок в горло не лезет.

– Ну, Ярославушка, – продолжал выпрашивать колбасу кот. – Не будь жадиной, порадуй котика.

Снова не реагирую.

– Дочка, – первым из нас не выдержал отец, – дай ты ему колбасы, а то мочи нет, его мяуканье слушать.

– Так возьми и сам расщедрись на мясной деликатес, – фыркнула я и заставила себя съесть немного каши.

– Из моих рук он не берет.

С другой стороны от батюшки хмыкнули. Царь Краснограда все это время прислушивался к нашему разговору. Решила сжалиться и таки дать кусочек колбасы коту. Наклонилась, чтобы протянуть лакомство, как неожиданно раздался звук разбиваемых стекол и крики людей. Выпрямилась, так и держа в руке колбаску, и ахнула. Из окон в обеденный зал ринулись мужики бандитской наружности. У кого-то в зубах было сжато лезвие кинжала, кто-то размахивал кувалдой... И стихия моя, как на зло, молчала. Сейчас бы призвать воздушный поток да снести незваных гостей, но... Я все же бы-

ла ведьмой-недоучкой.

– Караул, – пискнул Тим и вцепился в мой подол когтями.

– Стража! – батюшка вскочил со своего места, – оберегать царевну!

Сказать-то он это сказал, только вот богатыри никак не могли ко мне пробраться. Да-а-а... это вам не заморский Черномор с дружиной. У нас, может, мыши и аппетитные, жирненькие, а вот богатыри – доходяги.

Гвидон выхватил у одного из своей свиты короткий меч и старался никого из бандитов не подпускать к нашей части стола. Для этого он перемахнул через широкую столешницу и стал демонстрировать умопомрачительное владение мечом. Часть мужчин, прибывших с Буяна, пытались огородить своего государя от выпадов противника, но мало в этом преуспевали, да и не нужна была Гви защита.

– Ярослава, лезь под стол! – раздался снизу голос Тима.

Решив, что кот дело говорит, опустилась на четвереньки и спряталась за дорогой, расшитой серебряной нитью скатертью. Мы ползли до тех пор, пока не оказались у самого края.

– Что делать дальше? – спросила у ученого лохматого прохвоста.

– А я знаю? – взвыл тот. – Этого я предугадать никак не мог.

– Что...

– Ах, вот она где! – скатерть приподняли, и в мою сторону потянулась волосатая пятерня.

Я закричала и ударила по наглой лапе кулаком. Пусть не думает, что если я царица, то постоять за себя не могу. Воздух, наконец, откликнулся и сшиб наглеца с ног.

– Парни, нужна помощь! – закричал бугай, поднимаясь на ноги. – Она -

Из-под стола меня доставали трое мужчин. Один тянул за руки, второй обхватил талию, а третий спеленал своими ручищами ноги. Тимка зашипел и вцепился одному из мужиков прямо в... ну... короче между ног. Тот взвыл, выпустил мою талию и попытался отодрать от своих брюк кота.

– Не смейте трогать котика! – закричала я и снова призвала силу. Мы повалились на пол, сбитые сильным потоком.

Раздался громкий свист. Да такой, что у меня уши заложило, а в глазах красные круги заплясали народные танцы.

– Парни, да вас только за смертью посылать! – раздался низкий бархатистый баритон. Разве бывают разбойники с такими голосами? – Хватайте ее!

Меня снова подняли и потащили к одному из окон. Постаралась собрать все силы для последнего магического удара, но не успела - бандит залез на подоконник и спрыгнул вниз. Даже закричать толком не смогла.

– Мя-я-я-у-у-у!!! – сверху раздалось воинственное мяуканье, и на голову моему похитителю приземлился довольно упитанный рыжий кот. – Мя-я-я-я-у-у-у-у-у!!!

– Аа-а-а-а-а!!! – закричал бандит и выпустил меня.

Упала, но все равно попыталась призвать воздух, однако

не смогла, так как на моем левом запястье защелкнулся тонкий серебряный браслет, блокируя связь со стихией.

– Да как вы смеете! – я вскочила на ноги и посмотрела в глаза высокому светловолосому мужчине. Шевелюра у него доходила до плеч. Сам был облачен в просторную светлую рубаху, узкие кожаные штаны и сапоги. – Меня, ведьму ветров и лишать магии!

– Не злись, красавица, – мне ответили все тем же баритоном.

Так это он приказывал меня схватить! Но зачем?

Где-то поблизости бугай не мог отлепить от своей головы Тимофея. Тот довольно мяукал и время от времени шипел.

Громкий свист светловолосого парня, и из окон на палубу летучего корабля прыгают ворвавшиеся в обеденный зал мужики. Корабль затрясло, и уже через пару секунд он полетел в неизвестную мне сторону.

– Ярослава! – раздался голос Гвидона, который стоял на одном из подоконников, сжимая в руке короткий меч.

Я смотрела, как люди стали нервно бегать по залу и о чем-то оживленно переговариваться. Будь моя воля, создала бы себе воздушные крылья и прыгнула вниз. Но где-то за спиной воинственно шипел кот, рядом стоял предводитель разбойников и на мне был магический браслет-блокатор.

Батюшка стоял у одного из окон и хватался за сердце. Он ничего не мог сделать. И прямого приказа стрелять на поражение отдать не имел права. Все же на летающем корабле

находилась я. Эх... где же там мой братец Доброслов? В какой из деревень задержался? Ох, и в гневе же он будет, когда узнает, что его младшую сестру неизвестные похитили.

Гвидон замер на том же месте и смотрел нам вслед. Только меч отбросил в сторону. С силой, будто еле сдерживал гнев. Волосы разметались по плечам, на половину закрывая красивое лицо.

– Ну что, красавица, – меня обняли за плечи, – пойдем, потолкуем?

– Нет желания, – я сбросила руку нахала и отошла в сторону.

– Ладно, – махнул рукой предводитель банды, – тогда будь так любезна, прикажи своему коту не уродовать лицо моего бравого воина.

– Этот ходячий шкаф – бравый воин? – удивленно спросила и перевела взгляд на того, кто вместе со мной прыгал из окна. Тим перестал впиваться всеми четырьмя лапами тому в макушку и теперь действительно занялся лицом.

– Представь себе, – фыркнул парень в обтягивающих штанах.

– Нет желания, – я сложила руки на груди. – Зачем вы меня похитили, и кто ты такой?

– О-о-о, – протянул блондин, – я забыл представиться, – за этим последовал шутовской поклон. – Трубочист!

– Тот самый? – ахнула я. Не может быть...

– Именно тот, – подтвердил парень и кивнул в сторону

мучающегося бугая. – Пожалей мужчину – ему еще к жене возвращаться.

– Ладно, – сдалась я. – Тим, отпусти каку!

Тимофей нехотя отцепился от лица мужика, плюхнулся на пол и, походкой победителя, подошел ко мне.

– Ну, Ярославушка-а-а, – протянул рыжик, – такого развлечения лишаешь.

Вокруг нас стала собираться команда летучего корабля. Я сразу же почувствовала себя неуютно. Это не укрылось от Трубочиста, который, схватив меня за запястье, направился в сторону каюты капитана. Когда мы вошли внутрь, он закрыл дверь и уперся в нее спиной. Тимка успел проскочить в помещение в последний момент.

Здесь было довольно уютно и светло. Широкая кровать, стол, заваленный какими-то бумагами и картами, пара широких кресел, шкаф... И все прибито к полу довольно большими гвоздями.

– Присаживайся, царевна, – Трубочист указал рукой на одно из кресел.

– Я постою, – отказалась.

– Дело твое, красавица, – лукаво улыбнулся парень.

– А Забава как относится к твоему увлечению воровать царевн? – спросила с вызовом.

Лицо Трубочиста сразу же потеряло всю веселость, а в глазах появилась тоска.

– Забава? – переспросил он. Оттолкнулся от двери и сам

опустился в кресло. — Я вообще-то свободен, как в поле ветер.

— Но как же... — я удивленно посмотрела на молодого мужчину. — Ведь про вашу историю любви даже книгу написали! Это было так романтично, — я приложила руки к груди. — Построить своими руками корабль, чтобы получить руку и сердце любимой.

— Любимой? — снова переспросил Трубочист. — Эта гримза мне весь мозг съела, потом забрала свои вещи и усакала в закат с заезжим циркачом!

— Ой, прости, — я опустила руки.

— Баба-дура, — влез в разговор кот. Он деловито расхаживал по каюте и внимательно изучал обстановку. — Такого мужчину не разглядела. Балбесина.

— Тим! — возмущенно воскликнула я.

— Только не надо сейчас про женскую солидарность заикаться! — закатил зеленые глаза котик.

Я отмахнулась от прохвоста и все же присела в свободное кресло. Устало подперла подбородок ладонью и посмотрела на Трубочиста.

— А меня ты зачем похитил?

— Знамо дело, — в глазах парня снова появилась хитринка. — Запрошу у твоего батюшки выкуп.

— Ты разорить нас решил?! — возмущенно воскликнула. — Отец не пойдет на такое!

— Да мне надо-то всего ничего, — поморщился мой похи-

титель. – Сотня золотых монет, и я тебя освобожу.

– Зачем тебе они?

– Говорят, – молодой мужчина подался вперед, – что если заплатить богу времени определенную сумму, он может вернуть время вспять.

– И какая там сумма? – во мне проснулось любопытство.

– Триста двадцать золотых.

– Ничего себе, – охнула я.

– Ага, – кивнул Трубочист и расслабленно откинулся на спинку кресла. – Большая часть суммы у меня есть – не хватает только сотни. Вот я и решил, что вместо того, чтобы откладывать понемногу, лучше все сразу заполучить.

– Но зачем тебе платить богу времени?

– Что, страдалец, засела в душу Забава, баба неверная? – быстрее меня догадался Тим.

– Это одна из причин.

– А что еще за причина? – не может же быть, что все из-за несчастной любви задумано было.

– Когда я построил корабль, то привязал к нему свою душу. Теперь не могу надолго на землю ступить.

– Ничего себе, – пробормотала. – Получается, ты пленник. Только вместо камеры тюрьмы, у тебя каюта корабля?

– Удачное сравнение, – на губах Трубочиста появилась кривая усмешка. – Так что, красавица, прости. Но Тричет-вертое царство я на сто золотых раскручу. Можешь не бояться, тебя никто здесь и пальцем не тронет.

– Да-да, – поддакнул Тимофей, – ее и так уже с пяток мужиков облапали, пока к окну тащили.

Я покраснела.

– Досадно, – сказал светловолосый парень.

– А если меня спасут? – предположила я.

– Никто не сможет попасть на летучий корабль.

– Если только это не Змей Горыныч, – ленивым голосом произнес рыжик.

– Да кто с этим чудаком дружбу-то водит? – хмыкнул бандит.

– Царь Гвидон водит, – Тимка нервно дернул хвостом и потерялся о мои ноги. – И поверь мне, как только фиолетовый змей узнает, что ты невесту царя Красноградского похитил, он тут же примчится.

– А ты что, – Трубочист прищурил голубые глаза, – невеста Гвидона?

– Да, – соврала я.

– Это будет интересно, – молодой мужчина довольно улыбнулся.

Странно только, почему мне не интересно. Надеюсь, что новость о том, что я невеста Гви немного собьет спесь с этих бандитов. Лишь бы «жених» потом не узнал, что у него, оказывается, невеста есть. На добрых триста с лишним лет младше.

– Трубочист, – у меня вдруг возник вопрос, – а как тебя зовут?

– А зачем тебе? – ответил вопросом на вопрос парень.

– Просто, – старалась говорить спокойно, расположить его к себе, – не называть же мне тебя просто Трубочистом? Должно быть имя.

– Это мое имя.

– А колдун у вас кто? – я вспомнила, как один из громил звал какого-то там колдуна.

– Я колдун.

– И какая у тебя магия? – я нервно заелозила в кресле.

– Свистун он, – снова вклинился в наш разговор кот.

– Я не свистун! – возмущенно воскликнул мой похититель. – Я Соловей!

– Не правда! – зашипел Тим. – Знаю я Соловья! Тот еще проходимец.

– Он мой брат.

Ничего себе новости. Соловей Разбойник брат Трубочиста? Почему же никому об этом не известно?

– Младший? – предположил котик.

– Старший, – раздраженно произнес светловолосый мужчина.

– Надеюсь, его на корабле нет? – нервно сказала и с мольбой в глазах посмотрела на похитителя.

– Нет, он в одном из лесов материка хозяйничает.

– А он, случаем, не папка лешего из Тричетвертого государства? – с издевкой в голосе произнес Тимофей.

– Этого еще не хватало, – Трубочиста аж передернуло от

такого предположения. – Леший в последнее время совсем с катушек слетел. Слухи до меня дошли, что он стал чудить и грибников путать.

– А ты много знаешь, – прищурил зеленые глаза кот ученый. – Шпиён что ли?

– Нет, просто пользуюсь сарафанным радио, – хмыкнул капитан корабля, Трубочист, брат Соловья Разбойника и мой похититель в одном лице.

– И долго ты планируешь меня здесь держать? – задала очередной вопрос. – И вообще, куда мы летим?

– В Прекрасное далеко, – огорошил новостью Трубочист.

– Там же водятся гарпии и хищные русалки! – я вскочила со своего места.

– Успокойся, красавица, никто тебя не обидит.

– Ага, – снова встрял кошка, – кроме Конька-Горбунка.

– Он стал травоядным, – отмахнулся парень.

– Откуда сие известно? – любопытствовал рыжик. – Сам ему в пасть траву совал?

– Не отрицаю.

– И что, он эту дрянь жевал?

– И даже не подавился.

– Ребят... – я попыталась вставить хоть слово.

– Конечно, – Тимофей нервно задергал ушами, – ты не предоставил ему выбора. Бедный конек и землю бы сырую съел, лишь бы ты не свистел.

– А что ты имеешь против свиста? – удивился Трубочист.

– Я против конкретно тебя!

– Мальчики...

– Кошка драная.

– Я кот! – искренне возмутился Тим.

– Уверен?

– Хватит! – я не выдержала и с силой топнула ногой, привлекая тем самым к себе внимание. – Нашли время препираться. Трубочист, где я буду спать? Есть что поесть? И мне нужна сменная одежда...

– Сарафана нет, – огорчил меня свистун. – Могу выделить только штаны да рубаху.

– Какой позор! Невеста царя Краснограда и в брюках ходить будет! – взвыл Тимка.

– И что? – не понял такого возмущения капитан летучего корабля.

– Она же будущая царица!

Хотелось опровергнуть это заверение, но я смолчала. Сама же назвалась невестой Гвидоши. Самое главное, не проболтаться о том, что я ему никакая не суженая-ряженая. Мда, конфетки-бараночки, влипла так влипла. Как пчела в густой сироп.

– А сапоги у вас имеются, тридцать седьмого размера? – пролепетала я и упала в кресло.

– Сапоги? – переспросил брат Соловья Разбойника. – Наидем.

– А-а-а-а-а, – кот плюхнулся на пол и прикрыл лапами го-

лову. – Что государь скажет. Как лютовать будет. Его невеста, да в мужских одеждах.

– Тимофей, успокойся, – я наклонилась вперед и погладила котика по спине.

– Срам какой. Позорище!

– Эй! – дернула этого нахала за пушистый хвост. – Я не позорище!

Препирались еще долго. Пока в дверь капитанской каюты не постучали и не сообщили, что обед готов. Желудок довольно заурчал, а во рту появилась слюна. Ох, и поем я сейчас пищи местной!

Кушанье было так себе. Подгорелое мясо, черствый хлеб и серого цвета каша на воде. При виде последней Тим нервно хихикнул и упал в обморок. Приходилось раньше подобное пробовать?

– Чем богаты, – развел руками Трубочист и сел во главе стола.

Он (стол то есть) стоял на нижнем этаже. Тут же находилась и кухня. Через круглые окна пробивался дневной свет, и я спокойно, не напрягая глаза, смогла рассмотреть обстановку и... своих похитителей. Настоящие разбойники с большой дороги. Лохматые, нечесанные, у кого-то нет передних зубов, взгляды колкие.

– А кем вы работали до того, как занялись разбоем? – отважилась спросить у свистуна.

– Перевозили товар.

– И все?

– И все, – Трубочист отправил в рот ложку с кашей.

– А девицами-красавицами не торговали? – из-под стола раздался голос пришедшего в себя котика.

– Зачем ими торговать?

– Чтобы золотишко быстрее собрать.

– Мурчащее чудовище, – беззлобно сказал капитан корабля и продолжил свою трапезу.

Я же сидела и пыталась отгрызть от ломтя хлеба хотя бы кусочек.

– Бравые воины, – мне в голову пришла одна идея, – а давайте я вам готовить буду?

– Ты? – удивился Трубочист. – Царевна и у магической печи стоять?

– Я умею, – уверенно сказала.

Ведь и правда умела, да так, что батюшка каждый раз в ожидании томился, когда я очередной шедевр из печи доставала. У каждого свои развлечения. Я вот, готовить любила.

– А чем моястряпня плоха? – обиженно спросил у главного местный повелитель кастрюль и поварешек.

– Тем, что ее есть невозможно, – муркнул Тим. – А мышей на вашем корабле нет, я проверил.

– Прав кот, – подал голос один из разбойников. – Жрать эту гадость боле нет мочи.

Вскоре мою идею поддержали все бандиты. Даже горе-повар согласился уступить мне место у печи.

Что ж, хоть чем-то займусь пока мы до Прекрасного далеко летим. В добрый путь, как говорится.

– Ярославушка, – мурчал кот у ног, ожидая, когда я дам ему кусочек рыбки, – быстрее, а то у меня сейчас живот в узел завяжется.

– Да подожди ты, – отмахнулась я, ставя горшочек в печь.

Знала бы, что меня сразу назначат старшей по готовке, молчала бы в тряпочку. Так нет же, ляпнула на свою голову. Доесть обед не успела, как меня погнали в сторону кухни. Ладно. Все равно тот черствый хлеб есть было невозможно.

– Дай рыбки, – снова заныл Тимофей.

– Обожди.

– Ну, Ярослава-а-а...

– Иди вон, – я махнула в сторону выхода с кухни, – мужиков своими стенаниями доставай. А ко мне не лезь, а то каша подгорит, да рыбка в воблу превратится.

Вздыхнув, рыжий прохвост поплелся в обеденную. Пускай Трубочиста помучает. У меня от его нытья уже уши болят, да в голове звенит.

Когда все было готово, я расставила горшочки на стол и дала команду бандитам снимать пробу. Кто же знал, что они все разом за приготовленной едой потянутся и драться начнут, кому самый мягкий кусок рыбки достанется.

– Балаган, – пробормотал себе под нос свистун и поднялся со своего места. – Братцы, угомонитесь, здесь на всех хватит!

– Почему Бородачу достался самый большой кусок?! – возмущенно закричал коренастый бугай, зло смотря на обладателя длинной черной бороды.

– Кто успел, тот и съел! – отрезал Бородач.

– А почему Ясноокий положил себе в тарелку три ложки каши, а не две, как положено? – возмутился уже другой бандит.

– Потому что надо в свою тарелку смотреть, а не у других порции подсчитывать! – рыкнул мужчина с глазами разного цвета. Один у него был голубой, второй – карий.

Раздался громкий свист и все разом затихли. Я так вообще прижала ладони к ушам. Лишь после того, как брат Соловья Разбойника перестал свистеть, отняла их от многострадальных ушек.

– Все сели за стол и уткнулись в свои тарелки! – строго произнес капитан летучего корабля и для пущей убедительности еще и кулаком по столешнице стукнул.

– Силен и смел ты, Трубочист, – стал подлизываться к нему Тим. – И Забава твоя – дура.

– Без тебя знаю, – немного устало сказал свистун и снова присел на свой стул.

– Рыбки дай, а?

– Отвяжись.

– Вот заладили... – недовольно мурлыкнул котик. – Отвяжись, да отстань. А я, может, есть хочу.

– Ты уже стащил у меня одну сырую рыбеху, пока я гото-

вила, — сдала рыжего с потрохами.

— Тебе показалось, — махнул лапой воришка.

— А вот и нет.

Я присоединилась к мужчинам и положила себе в тарелку немного рассыпчатой гречневой каши. Живот тут же затих, ожидая, когда же его, наконец, покормят.

— Ты из магической кладовой теперь можешь что угодно брать, — кот снова стал ластиться к моим ногам, — а я нет. Так что не будь врединой, покорми кота. Я между прочим твою жизнь и честь защищал, грудью на амбразуру полез, а ты...

— Амбразуру? — переспросила я.

— Ай, ладно, — нервно дернул ушками Тим. — Я когтей не жалел. Я чуть части шерсти не лишился. Я зубами за такие места цеплялся, вспоминать страшно. Я...

Сдалась и протянула коту кусок рыбы. Пусть ест. Лишь бы молчал, ей богу.

— Трубочист, — обратила внимание капитана на себя, — ты можешь снять с меня браслет-блокатор? С ним жутко неудобно.

— Прости, красавица, — лукаво улыбнулся молодой мужчина, — но нет.

— Я обещаю не сбегать, — это я сказала вполне искренне.

— Увы, но у меня нет оснований тебе верить.

— Вот так всегда, — доев рыбку, снова заговорил Тим, — одна баба начудила, предала, к другому в постель...

— Тимофей! — воскликнула я и почувствовала, как щеки

заливает румянец.

– Прости, – без тени раскаяния в голосе произнес котик и продолжил: – Так вот. В постель к другому легла. А теперь что же получается, все представительницы слабого полу виноваты?

– Много ты знаешь, кот, – в голубых глазах Трубочиста появилась угроза, – может, стоит укоротить твой болтливый язык? – с этими словами он достал из-за пояса тонкий кинжал и стал мастерски играть им своими длинными пальцами.

– Я личный советник царя Краснограда!

Тимофей спрятался за моим стулом. И притих.

– Станный царь, у которого в советниках наглый блохастый кот.

– У меня нет блох! – возмутился из своего укрытия Тимофей.

– Ничего, пара дней на борту моего славного летучего корабля, и они появятся.

– Трубочист, – понимая, что ничем хорошим такая перепалка не кончится, я снова попыталась привлечь внимание свистуна, – а где я буду спать?

– Спать будешь в прилегающей к кухне каюте, – махнул в сторону неприметной двери капитан. – Чтобы далеко ходить не надо было.

– Замечательно, – хмуро произнесла и стала развозить кашу по тарелке. – А одежду мне когда выдадут?

– Ты все же наденешь штаны?! – возмутился Тимофей и

покинул свое укрытие.

– А есть другие предложение? – спросила у обладателя зеленых глаз.

– Тьфу... – был мне непонятный ответ и кот совсем поник.

– Батюшка! – в зал приемов ворвался высокий темноволосый мужчина. – Где Ярослава? У меня есть для нее подарок!

Царь Тричетвертого государства сидел на резном троне и подпирал голову рукой. Гвидон отправился на Буян к Змею Горынычу, дворцовые слуги тосковали по царевне, а он просто сидел и не знал, что делать. Где искать дочь?

– Эх, Доброслов, – тяжелый вздох, и Серомор продолжил: – похитили Ярославу.

– Как похитили? – опешил от такой новости молодой мужчина. Посмотрел хмуро на отца, потом прошелся взглядом по помещению. Не чуял он дух сестрицы во дворце. Не слышал звонкого смеха и не чувствовал телом обычно гуляющий по залу приемов ветер. – Кто? – был его следующий вопрос.

– Трубочист, бандит проклятый! – сквозь зубы зашипел царь. – Прилетел на своем корабле, да и похитил мою дочь!

– А где Гвидон? – знал Доброслов, что к ним царь с Буяна должен был приплыть еще пару дней назад.

– К себе отправился, помощь обещал привести.

– Как он надеется попасть на летучий корабль? – царевич не смог скрыть удивления.

– На Горыныче, – огорошил своего сына новостью Серомор. – А где жена твоя? – решил перевести тему разговора местный царь.

– Отдыхать сразу пошла, устала с дороги.

– И ты иди, отдохни, – махнул рукой Серомор. – Все равно, пока Гвидона нет, ничего сделать не сможем.

– Трубочист дал знать, что ему от тебя нужно? – решил все же задать еще один вопрос царевич.

– Сто золотых. И срок дал две недели.

– Зачем ему золото? Тем более не такая уж и большая сумма?

– Кто его знает, – пожал плечами царь. – Ступай, сын. Я устал.

Более Доброслов не стал мучить отца расспросами. Если сказал он – ждать Гвидона, что ж, придется ждать.

Спать легла поздно. Тело хотело отдохнуть, а попа – приключений. Но я усмирила любительницу неприятностей и решила воздержаться (пока что) от самостоятельного изучения летучего корабля.

Разбойники разошлись ближе к ночи. Пора бы уже ужин подавать, а они только рыбу есть перестали. В итоге с самого вечера я намывала посуду и убиралась на кухне. И это царевна Тричетвертого государства! Хорошо, что в свое время (когда была маленькой) любила наблюдать за нашей кухаркой и запомнила, что да как делать надо.

– Совсем себя не бережешь, Ярослава, – замурлыкал Тим и запрыгнул ко мне на кровать.

– Дай поспать, – буркнула и отвернулась к стене.

Комнатка была маленькой. Умещались здесь только лишь односпальная кровать да шкафчик. Ни тебе шикарных кресел, пуфов, столиков резных со стоящими на них в вазах живыми цветами. Ничего.

– Ярославушка, – кот ткнулся носом мне в ухо.

– Брысь с подушки! – я подскочила на кровати и хлопнула Тима по пушистой попе. – Совсем обалдел?

– Я есть хочу, – рыжий отскочил к ногам и сладко потянулся.

– Утром поешь!

– Утром мы до Прекрасного далеко долетим. Там некогда есть будет.

– Почему это?

– Потому что все будут Конька-Горбунка высматривать.

– А чего его высматривать? – любопытствовала я.

– Так он же только на словах травоядный, – Тимофей нервно пошевелил усами, – а на деле очень даже мясоед.

Веселенькое дельце. Это что же получается... На нас может Конек-Горбунок напасть? Этот двугорбый то ли лось, то ли осел?

– Ну, дай покушать, хозяйюшка, – снова заныл кошак. – А я за это тебя больше дергать не буду. До утра.

Как я могла удержаться? Меня же пообещали всю ночь не

дергать.

Знала бы, что «до утра» в понимании кота, это начало рас-света.

По мне нагло скакали и, мурча, теребили тонкое одеяло. Недовольно заворочавшись, сбросила вредного прохвоста на пол. Тот зашипел и снова запрыгнул на меня, в наглую стаскивая слабую защиту от холода и настырного котика.

– Караул, Ярославушка! Горбунок напал!

Меня как ветром сдуло с кровати. Не сразу сообразила, что лежала не на своей широкой постели, а на убогой кровати, и что места в комнате вообще-то мало. Сначала налетела на шкаф, больно ударившись об него ногой, потом ушибла мизинец о ножку кровати, затем... Короче выскочила в обеденную я злая, растрепанная и самопобитая.

Сарафан поменяла на удобные темно-синего цвета штаны, а свою украшенную бисером и кружевом рубаху, заменила на просторную и расшитую обережными символами. Тим возмутился, но я была непреклонна. Не зря же мне Трубочист вчера вечером не поленился и выдал целый ворох одежды, чтобы я свои царские одеяния не порвала и не испачкала. На ногах же красовались бархатные сапожки тридцать девятого размера. И ладно, все равно было удобно. Я только немного мысками пол задевала. Но ни разу не упала!

– Срам, – причитал котик. – Позор! Развра-а-ат!

– Прекрати, – шикнула на кота. – Пойдем на палубу лучше.

– Сиди тут, дуреха! – зашипел рыжик. – И не смей свой любопытный нос с кухни высовывать!

– Почему?

– Потому что Конек-Горбунок мясо любит, балда!

И вот чего он обзывается? Я, между прочим, собиралась тихонечко в сторонке постоять и понаблюдать, как бандиты будут от Горбунка отбиваться. Он же один, а этих косматых тут штук пятнадцать.

– Ну, Тим, – заныла я. Попа проснулась и затребовала приключений.

– Я в курсе, что меня зовут Тим, – не внял моей мольбе кот. – А теперь живо ноги в руки и бегом в кухню вкусные блинчики готовить и супы наваристые томить!

Хм-м-м-м... мне одной кажется, что меня решили в наглую поэксплуатировать? Вот нахал!

Наверху раздались шум и крики. Плюнув на недовольство кота, вбежала в кухню, схватила со стола широкий нож для резки мяса и помчалась на выход. Пусть на меня и надет браслет-блокиратор, но я не нежная барышня! В конце-то концов, у меня старший брат есть, а он от скуки в свое время учил меня ратному делу. Ну как ратному... ножи кидать, да кулаком рукоятью в челюсть давать.

– Ярослава, одумайся, ты же царица! – кошка и не думал отставать, а потому все путался под ногами.

– Тимофей, боишься, так и скажи, – произнесла, уже вылетая на палубу корабля.

М-да-а-а... Конек-Горбунок был... необычным. Уши огромные, похожие на ослиные, шкура серого цвета, в белых пятнах, копыта, два горба, морда... Вот морда была знатная. Огромный нос, торчащие из пасти клыки, с которых капала слюна. Взгляд светится алым. Жуть.

– Трубочист! – позвала я капитана корабля, который пытался достать кружащего над палубой Горбунка мечом. – Почему не свистишь?

– Ему мой свист по барабану! – выкрикнул парень.

– Иа-а-а-а!!! – произнесло то ли лошадь, то ли осел и ринулось в бой.

Стоит отметить, что крыльев у этого чуда-юда не было. Как летал – непонятно.

– Ярослава, отойди! – прокричал Бородач и задвинул меня к себе за спину. – Если он тебя клыками достанет, прощайте сто золотых.

– Вот все бы вам, разбойникам, о деньках думать! – выпалила я и, отпихнув мужика, помчалась на помощь к Трубочисту.

Встала рядом с ним и стала прицеливаться в Конька-Горбунка.

– Иа-а-а-а-а-а!!! – двугорбый помчался в нашу сторону, открывая зубастую пасть.

Я бросила нож и попала напавшему на летучий корабль чуду прямо в грудь. Тот взвыл, попятился в воздухе, потом резко замер и упал на палубу.

– Ну, ты даешь, Ярослав, – присвистнув, сказал Трубочист. – Страшная женщина.

– Сама не ожидала, – честно призналась я. – Свистун, ты же говорил, что он травоядный!

– Он был травоядным, когда я прилетал сюда в последний раз.

– А я говорил! – к нам подбежал кот. – Говорил!

– Успокойся, усатый, – отмахнулся от него капитал летучего корабля. – Кто ж знал, что Конек-Горбунок за старое возьмется.

– Я знал! – гордо выпятил грудь рыжий.

– Мальчики, вы... – договорить я не успела, так как над палубой раздалось громкое:

– И-и-ироды! – произнес Конек-Горбунок и зубами вытащил из груди нож. Рана стала сразу же затягиваться. – Со всем офонарели!

Вот те раз...

– Сволочи-и-и-и! – продолжал возмущаться Конек-Горбунок.

Он неуклюже поднялся на ноги и зло посмотрел на меня.

– Ч-что? – спросила и спряталась за спину Трубочиста.

– Уби-и-ив-и-ища! – выпалил этот... осел и топнул копытом.

– Я тебя не убила, – пискнула из своего укрытия.

– За что в меня ки-и-инжал ки-и-инула? – на манер ослиной речи продолжал возмущаться Горбунок.

– Ты напал на корабль!

– Не нападал я!

– Так, хватит! – встрял в нашу перепалку Трубочист. – Ты зачем сюда сунулся Горбун?

– Я по старой дружбе, а вы...

– Не водили мы с тобой дружбу, – покачал головой Ясноокий.

– Это вы не води-и-или-и-и, а я води-и-ил, – по щеке конька потекла крупая слеза.

– А нападать с чего удумал? – свистун сложил руки на груди и тяжело вздохнул. Меч уже успел в ножны убрать.

– Надо больно, мне на вас нападать, – фыркнул двугорбый. – Просто у вас так вкусно пахнет, что мой широкий нос учуял аромат, и я полетел на него...

– Как пчела к густому сиропу, – хихикнула я.

– Ну да, – энергично закивал зубастый конь.

– То есть ты не мясоед? – спросил молчавший до этого Тимофей.

– Я больше не ем этот и-и-изысканный деликатес.

– Прекращай букву «и» растягивать, – капитан летучего корабля подошел к Коньку-Горбунку и потрепал того по макушке. – И прости нас. Но слухи разные ходят. Вон, – кивок в сторону рыжего, – этот вообще всю дорогу утверждал, что ты человечинку ешь.

– Йи-и-иа-а-а? – удивленно произнесла помесь осла и лошади. – Не, ну грешил по молодости, но с тех пор столько

лет прошло...

– Три года, – хмыкнул Трубочист.

– Да я только слегка прикусил!

– Чуть ногу не отхватил у бедного охотника.

– А чего это он в мою нору полез?

– Думал, там лиса живет.

– В том-то и дело, что этот олух не думал! Груда мышц и ноль интеллекту.

– Долго еще спорить будем? – спросила у брата Соловья Разбойника.

– А ты завтрак уже приготовила? – ответил вопросом на вопрос молодой мужчина.

– Ой, – пискнула и побежала на нижний этаж.

Кот помчался за мной и еще долго причитал, что я совсем жизнь не берегу. А то, что я сил не жалею и наготавливаю стою, его мало волновало.

– Эх, Ярослав, повезло тебе с женихом, – Тим восседал на широкой скамье у стола и продолжал трепать мне нервы. – Красив, умен, силен, богат...

– И по бабам ходить горазд, – добавила свою ложку дегтя в бочку меда.

Не могла поспорить с Тимом, но и соглашаться не хотелось. Да красив, да умен и так далее по длинному берестяному списку, но... Нет между нами любви. И даже если бы он был маленьким, шупленьким, лысым мужчиной средних лет, но мы бы любили друг друга – это одно. А так... Красота не

главное. И вообще, может он в душе поганка прошлогодняя. Эх, конфетки-бараночки, не везет мне в последнее время.

Конька-Горбунка пригласили за стол, и тот не стал отказываться. В обеденную он вошел сжимая в клыках нож для резки мяса. Торжественно вручил его мне и устроился с краю стола, ожидая свою порцию пищи.

Я, держа нож двумя пальцами за рукоять, направилась в кухню. С лезвия стекала зловонная слюна, вызывая во мне рвотные позывы. Уф-ф-ф... когда Горбун в последний раз чистил зубы?

Как только все расселись за столом, стала выставлять приготовленную еду. Омлет, блинчики со сметаной и сыр. Должно хватить на пятнадцать мужиков, одного кота, длинноухого коня и меня любимую.

– А скажи-ка мне, конь-огонь, – нарушила я тишину за столом. Все были поглощены завтраком. – Как у тебя так быстро рана затянулась?

– Я существо магическое, меня не так-то просто убить, – гордо произнес Горбун и сунул морду в широкую миску, которая стояла на полу.

– Живунчик, – мурлыкнул Тим. – Аж любопытно, каким способом тебя все же можно отправить к богам.

– Не скажу. Я себе не враг. Иа-а-а-а!!! – последнее прозвучало так неожиданно, что я дернулась. – Простите, – смущенно пролепетал Конек-Горбунок.

Позавтракав, мужики стали расходиться по свои местам,

а Горбун изъявил желание прилечь после сытного завтрака на солнышке и погреть бока. Кот решил составить ему компанию. Мне же лучше. Не будет этот прохвост хоть какое-то время под ногами путаться.

Только вечером чудо-юдо решило с нами распрощаться. Уж очень ему мои изыски понравились. Даже пожаловался, что на одной травушке-муравушке он худеть начал. А тут столько веса набрал, что ему до зимы хватит.

Летучий корабль застыл над кронами высоких деревьев и более не двигался вперед. Мы прибыли в Прекрасное далеко и теперь оставалось лишь ждать решения моего отца.

– А как мы узнаем, что он надумал? – спросила после ужина у Трубочиста.

– Голубя направит. А это птица умная, везде своего получателя найдет.

Ответ от батюшки пришел на следующий день. Новость, что царь Тричетвертого государства таки решился ограбить на сотню золотых казну, меня не очень обрадовала. Но и Трубочиста было жалко. Быть связанным душой с кораблем – это страшно.

Самоэкскурсию по обители разбойников я устроила ночью. Бандиты ко мне уже более-менее привыкли, и я могла спокойно ходить, где мне вздумается.

– Поскорее бы Гвидон явился, – причитал неугомонный кот.

– Тебе не надоело? – раздражено спросила, открывая оче-

редную дверь. Снова пустующее помещение. Только ящики какие-то лежат.

– Нет, не надоело, – мурлыкнул котик. – Как там мой государь... Нашел ли Горыныча?

– Наверяд ли.

Еще одна комната и ящики-ящики-ящики... и пыль.

– Почему это? – удивился Тим.

– Потому что это Змей Горыныч! Монстр, который ворует девиц и тащит их к себе в пещеру.

– Сие не доказано.

– Да-да, – пробормотала и закрыла за собой дверь. – И Горбунок мясоед и Горыныч нежное чешуйчатое существо. Тоже мне, кот ученый.

– Прошу на личности не переходить! – Тимофей нервно задергал хвостом. – Это Трубочист думает, что до него добраться невозможно. А вот как явится Гвидоша...

– Один? Против пятнадцати здоровых мужиков?

– Это ты моего царя не знаешь, – довольно сказал рыжик. – Он быстро разбойников в капусту порежет.

– Бр-р-р, – меня передернуло от представшей перед глазами картины.

Закончив с исследованием корабля, я пошла спать. Ничего интересного таки не нашла. Лишь время зря потратила.

День, когда над палубой летучего корабля завис огромных размеров ящер, я не забуду никогда. Фиолетовый цвет его чешуи вогнал меня в ступор. Такого же цвета крылья быст-

ро махали, гоняя ветер и чуть не сбивая разбойников с ног. У Змея были розовые глаза, перепончатые лапы и... хвост-обрубок. Мне даже жалко его стало. Горыныча в смысле.

Громкий свист, и вот я уже падаю на колени, закрывая уши руками. Ну, Трубочист... получишь ты у меня... блинчики с травой-слабинкой!

С трудом смогла подняться на ноги и отойти в сторону. Мои пирожки, которые я так долго готовила для своих разбойников, рассыпались по палубе, и их сейчас в наглую топтали сапогами все те же мужики.

Свистун достал из ножен меч и приготовился защищаться от неведомого врага, которого пока не было видно. И это неудивительно:, Горыныч обладал такой колоритной фигурой...

– Р-р-р-ра-а-а-а!!! – зарычал ящер. – Отдавай царевну, свистелка!

– Еще чего! – выкрикнул Трубочист. Ему почти удалось полоснуть змея по лапе. – Моя добыча!

– А я говорю, отдай, пока худо не стало!

Столб пламени ударил в небо.

Пока я пыталась успокоить команду, а Тимофей лопал пироги, со спины Горыныча прыгнул светловолосый мужчина. Он зацепился руками за одну из прочных веревок, которая болталась у мачты и, держась за нее, ловко приземлился у самого руля. Вынул свой меч, как это еще недавно проделал Трубочист и приготовился отбивать атаку.

– О, – воскликнул свистун, – сам царь Гвидон к нам пожаловал!

Гвидоша-а-а ничего не ответил. Заметив меня, он стал сверлить мою персону в брюках нехорошим взглядом. Щеки запылали, и я с большим усилием но смогла таки отвернуться.

– Государюшка-а-а! – возликовал Тим и ломанулся к своему хозяину. – Как я ждал, как я надеялся! Ух, и зарубим мы сейчас вражин летучих!

– Пушистый предатель, – буркнул Трубочист.

Но кот будто и не слышал его. Держа хвост трубой, рыжий помчался к царю при этом довольно мяукая.

– Готов ли ты, царь Краснограда, при свидетелях, – свистун обвел рукой своих бравых товарищей, – выйти на бой честный и силой помериться? Коли победишь меня, отпущу с тобой царевну Ярославу, слово даю!

Я сглотнула образовавшийся в горле ком. Ой-ей... что сейчас будет-то. А драться они как собираются? До первой крови? Или так... просто мечами помашут и разойдутся? О том, что итогом боя будет чья-то смерть, думать не хотелось.

– Ну что? – хмыкнул брат Соловья. – Готов ради невесты своей жизнью рискнуть?

– Невесты? – Гви приподнял одну бровь.

– Невесты, невесты! – закивал рыжик, крутясь возле ног своего государя.

И снова меня наградили злым взглядом. Ну да... я же сама

сказала, что замуж за этого старикашку не пойду.

— Бою быть, — леденящим душу голосом произнес Гвидон и, прыгнув на палубу, оказался прямехонько напротив Трубочиста.

— А может не стоит? — неуверенно спросила я. Кто бы еще меня услышал.

Мечи со звоном соприкоснулись. Я же прижала руки ко рту и боялась вымолвить хоть слово. Было страшно и за своего похитителя, и за царя. Кот подошел ко мне и стал с интересом следить за каждым выпадом дерущихся. Бандиты же создали живой круг, в центре которого в смертоносном танце сошлись два мужчины.

— Бей его, Гви! — гремел над нами голос Горыныча. Какая из трех голов это сказала, было непонятно.

Я подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть происходящее. На плече Гвидона уже красовался довольно глубокий порез. Но мужчина быстро отыгрался и как следует прошелся мечом по бедру противника. Сейчас я не могла определить, кто из них царь, а кто разбойник. Одеты они оказались примерно одинаково. Просторная белая рубаха, черные штаны и высокие сапоги. Все. Только вот волосы у Трубочиста были распущены и чуть касались плеч, а у Гви — собраны в низкий хвост.

Трубочист дрался не совсем честно. Вот он развернулся, отклонился от удара и саданул Гвидона рукоятью в бок. Мужчина упал спиной на палубу и тогда свистун резко по-

дался вперед, пытаясь дотянуться до горла Гви. Но царь не был бы царем, если бы позволил себе проиграть. Перекатился, молниеносно поднялся на ноги, один взмах ресниц (моих, естественно), и вот он уже за спиной противника. Хватает того за волосы и приставляет к шее меч.

– Ну что ж, – довольно оскалился Трубочист. – Победа честная, забирай добычу.

Царь с Буяна отпустил мужчину и развернулся в мою сторону. Ох, не смотри на меня так. Я дрожать начинаю.

– А я говорил, – замурчал довольно кот. – Говорил, что царь у нас не промах!

– Все стали свидетелями поединка! – раздался над палубой громкий голос свистуна. Он прошел по кругу, с прищуром смотря на своих бандитов. – Все видели, как царь защитил честь невесты?

– Да! – хором ответили ему.

– А это означает... – тут он удержал театральную паузу, – что сегодня же они буду обвенчаны!

– Чего-о-о?! – сипло спросила я. – Не бывать этому!

– Ты сама назвалась невестой царя Краснограда, помнишь? – спросил у меня капитан летучего корабля. Пришлось кивнуть в знак согласия. Было такое, чего уж скрывать. – Честный поединок доказал, что жених твой относится к тебе серьезно и готов связать с тобой судьбу. А я, – и снова эта противная улыбка на его губах, – с радостью вам в этом помогу. Отпираться бессмысленно. Свидетелями была

вся команда! Правда, братцы?

– Да! – снова хор мужских голосов.

– Попадаलोво, – пробасил Горыныч.

– И так уж и быть, я готов пожертвовать выкупом, ради благого дела, – Трубочист не обращал на мое возмущенное сопение никакого внимания.

– Тимофей, – Гвидон, наконец, разомкнул губы и заговорил, – что-то мне подсказывает, что без твоей интриганской морды здесь не обошлось.

– О чем ты, Гвидоша? – захлопал зелеными глазками кот. – Просто я умею договариваться.

– Ты пообещал ему больше? – спросила я.

– Откуда у кота деньги, Ярославушка? – мурлыкнул котик. – Я ничего не делал. Ну, подумаешь, сказал Трубочисту, что если он душу свою от привязки с кораблем избавит, судьбу свою не встретит.

– С-с-с-сводник! – зашипела я.

– Мр-р-р да-а-а, – блаженно протянул рыжик.

– Так, – довольно потер руками свистун, – приступим к обряду!

– Я не хочу за него замуж! – воскликнула я и попятилась.

– Начинается, – закатил глазки Тим. – Как вы все меня достали со своим «не хочу». Надо! Поверь лучшему свахе Буяна!

– Ну, скажи ты им! – взмолилась, глядя на Гвидона.

А тот стоял и молчал. И взгляд у него был такой... страш-

ный.

– Ярослава, ступай в свою комнату и переоденься, – милостиво произнес Трубочист.

Комнату, ага. Потому что этот ящик нельзя назвать нормальным словом – каюта. Вот у капитана...

– Иди, Ярослава, – замурчал котик. – Приготовливайся к бракосочетанию.

Понимая, что спорить бесполезно, понуро пошла в сторону лестницы, которая вела на нижний этаж. По пути пару раз наступила на валяющиеся на палубе пирожки. Шмыгнула носом. Я на них столько капусты извела! Тесто месила, сил не жалела...

И как свистун нас обвенчать собирается? Может, я не в единого бога верующая. Вдруг, придерживаюсь другой стороны? Поклоняюсь солнцу, траве, земле... Всему по отдельности.

Войдя в комнатку, открыла шкаф и достала свои вещи, в которых попала на корабль. Вот и сарафан мой, и рубаха... Эх, а я уже стала к штанам привыкать. Да и надо будет бабюшку попросить, чтобы отныне мне на одеждах только обережные узоры вышивали. Надоели эти рюшечки и бантики.

Когда переоделась, занялась волосами. Длинные они у меня стали, пора бы остричь в половину. Еле косу удалось заплести. Да и гребня как назло не было.

Когда снова вышла на палубу, там уже заканчивались последние приготовления к церемонии. Брат Соловья Разбой-

ника заправил волосы за уши, оправил рубаху и стал ждать, когда же я соблаговолю подойти к нему. А я не хотела! А все потому, что Гви уже стоял рядом с ним и снова пытался прожечь во мне огромную дыру. Я чуть ли не физически ощущала его тяжелый взгляд. Он будто давил на плечи, замедляя мое движение.

– Быстрее, Ярославушка, – произнес Тим. Он, само собой, крутился рядом со своим государем.

Горыныч парил над кораблем и внимательно следил за происходящим тремя парами розовых глаз.

Медленно, но я все же подошла к капитану. Тот схватил меня за запястье правой руки и притянул к себе ближе.

– Какой у тебя тут размерчик, – пробормотал он, внимательно изучая мои пальцы. – Ага, шестнадцать с половиной. Ясноокий!

– Ща принесу, – хмыкнул разноглазый и направился к лестнице. Она вела вниз, но не в сторону кухни и обеденной, а к каютам, в которых находился всякий хлам и не только. К примеру, в одной я обнаружила набитые драгоценностями сундуки. Тогда я еще подумала, что это плата для бога времени. Только вчера закончила изучать ту часть корабля.

Вскоре Ясноокий снова показался на палубе. Подошел к свистуну и протянул тому тонкое золотое колечко.

– Еле нашел в этом барахле, – пожаловался капитану мужчина.

– Но нашел ведь, – фыркнул Трубочист. Принял из рук

своего подчиненного колечко и, в свою очередь, протянул его Гвидону. Длинноволосый блондин посмотрел на украшение и нахмурился. Видно было, как ему жениться не хочется. Но в итоге, все же взял золотой ободок в свою руку. И сжал ее так, что мне показалось, что еще немного и кольцо потеряет свою форму.

– Трубочист, давай не будем... – хотела еще раз попытаться уговорить его не сочетать нас узами брака, но мой похититель был непреклонен.

– Цыц, царевна! – шикнул он на меня. – Назвалась невестой – полезай в кровать!

Все, вылейте на меня ведро воды, я горю. От стыда, гнева и желания кого-нибудь приколошить!

– Одумайся, царь, – взревел сверху Змей Горыныч. – Только от одной гримзы избавился, вторую домой тащишь!

– Слушай ты, чешуйчатый, – нервно замяукал Тим, – еще хоть слово скажешь, Светозара верну!

На палубе образовалась гробовая тишина.

– Так, – спустя совсем немного времени, снова заговорил свистун, – приступим. Возьмитесь за руки, дети мои.

Я фыркнула, ничего себе, папочка. Да он на вид чуть старше меня и моложе Гви.

Пока я размышляла на отстраненные темы, мою ладонь сжали прохладные пальцы. Ой, конфетки-бараночки, не хочу так замуж выходить.

– Хорошо, – довольно улыбнулся Трубочист. – Я одобряю

союз, дальше бла-бла-бла, Гвидон, надевай на ее палец кольцо.

– И это все? – удивленно спросила.

– А что еще? – невозмутимо спросил капитан летучего корабля.

– Мне казалось, венчание происходит немного по-другому.

Пока я спорила с Трубочистом, Гвидоша-а-а нацепил мне на безымянный палец кольцо. Оно, к сожалению, в пору пришлось.

– Мы стоим под чистым небом. Светит солнышко, и где-то внизу поют птички. Тучи над головой не плывут, молнии не сверкают. А это значит, что единый бог (или все разом, тут уж кто во что верит) не против подобного венчания.

– А как же песнопения?

– Могу затянуть одну из своих баллад, но поэт из меня не очень, – хитро подмигнул мне Трубочист.

– А где хотя бы лик единого бога?

– Так вон он, – кивок влево, – у Кривого в руке.

Посмотрела на бандита, которого называли Кривым и скривилась. Ничего себе лик. Маленькая картинка. Да ее даже и не видно толком – вся затерта.

– Но как же... – снова попыталась возразить и опровергнуть законность такого союза, как меня опять перебили:

– Ладно, – поднял руки в примирительном жесте Трубочист, – можете поцеловаться, я не возражаю.

Посмотрела на закаменевшее лицо Гвидона и поняла – целоваться со мной не будут. А жаль. Я бы с удовольствием цапнула его за губу или язык. Это смотря, как далеко бы он захотел зайти.

– Пожалуй, обойдемся, – буркнула я и отвернулась от своего мужа. Бр-р-р. Я теперь замужем за подтянутым, умопомрачительно красивым стариком. Кому рассказать, не поверят. И да, теперь я еще и бабушка.

Захотелось взвыть. Это я-то в двадцать один год бабушкой стать умудрилась? Караул. Нет, разумеется, против детей я ничего не имела. Меня всегда умиляли малыши, но... сама мысль о том, что я теперь бабуля...

– А я бы посмотрел, как они целоваться будут, – мурлыкнул Тимофей. – Какая свадьба без поцелуев?

– Это и свадьбой назвать нельзя, – раздраженно сказала.

– Ну что, – царь Краснограда сложил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз, – супруга моя, нечаянная, пора в путь отправляться.

– К-куда? – заикаясь, спросила у заморского государя.

– В Тричетвертое государство, – со вздохом пояснил мужчина.

– Сначала документик о заключенном союзе получите, тогда и отправитесь. А то Серомор не поверит, что его дочурка замужней к нему вернулась. – Трубочист в открытую потешался. – Ой, и посмотрел бы я на то, как у него лицо вытянется и пятнами красными пойдет.

– Доброслов меня убьет, – пискнула я и закрыла лицо руками. Ой-ей... брат точно будет не в восторге от такой новости. Как бы Гви на поединок не вызвал. Он же меня до сих пор маленькой девочкой считает.

Послышался шелест бумаги.

– Подпиши вот здесь, – мои руки отвели в сторону и сунули под нос документ.

– А если я не хочу подписывать?

– Тогда слухи пойдут, что ты на летучем корабле была, да в обществе пятнадцати мужчин. И это при живом-то женихе! – угроза Трубочиста не очень на меня подействовала. Я замотала головой. – Подписывай, давай. А-то Гвидона опозоришь на весь Буян. Он девицу освободил?

– Да! – воскликнули разбойники.

– Из лап похитителя вырвал?

– Да!

– В бою честном победил?

– Да!

Появилось желание все же найти траву-слабинку и подсыпать в самовар.

– И что будет, если новоиспеченная жена сей документик не подпишет? – елеинным голосом спросил у своих бандитов свистун.

– Позор! – довольный хор голосов. Кажется, к нему примешался еще мяукающий.

Тимофей сидел рядом с моими ногами и внимательно сле-

дил за капитаном. Тот расхаживал среди своих и продолжал сыпать аргументами.

Наступила Тимофею на хвост. Кошак взвыл и отскочил от меня, нервно подергивая пострадавшей частью тела.

– Ладно, давай сюда, – обреченно сказала и протянула руку в сторону Трубочиста.

Документ тут же оказался в моей ладони.

– Не пожалеешь, царевна? – хмыкнул Гвидон.

– Уже жалею, – еле слышно прошептала я в ответ.

Глава 3

В добрый путь, как говорится...

– Дай волшебное перо, – сказала свистуну. – Не кровью же мне подпись ставить.

– А если и кровью, что с того? – хохотнул тот.

Я строго посмотрела на молодого мужчину. Наверное, мой взгляд был очень красноречив, потому что он сразу же достал из кармана штанов маленькое золотистое перышко. Взяла его в руку и стала внимательно изучать документ. Итак, обязанности жены, пункты и подпункты:

1. Ярослава Сероморовна Суровер (в девичестве Громова), именуемая далее как жена, и впоследствии носящая фамилию супруга, никогда не бывает права. Если жена спорит, жена лишает себя сладкого.

2. Гвидон Салтанович Суровер, именуемый далее как муж, может кутить. Жена же сидит у окна и ждет.

Случай, когда жене дозволяется не сидеть у окошка с платочком:

2.1. Жена хворает;

2.2. Жена лежачая;

2.3. Жена работает и ей просто некогда присесть;

2.4. У жены нет платочка.

3. Муж вправе наказывать жену по своему усмотрению.

Основные подпункты наказаний:

3.1. Просто захотелось;

3.2. У мужа плохое настроение и ему надо кого-нибудь наказывать.

Варианты наказаний:

3.1.1. Постельные. Самые распространенные;

3.1.2. Лишательские. Лишение чего-либо;

3.1.3. Трудовые. Наказанием является выполнение тех или иных видов работ.

3.3. Есть за что. Не важно, какая причина и повод. Если жена его дала – жена будет наказана.

4. Жена обязуется убирать, стирать, готовить, штопать и следить за детьми (перед тем как начать выполнять последнее обязательство, лучше сначала пройти подпункт 3.1.1.).

5. Муж – царь, муж – бог, муж – господин и так далее. Жена должна любить мужа, оберегать его и следить за его душевным и физическим состоянием.

6. Жена не имеет права заводить любовника и ложиться спать с кем-либо помимо мужа. Даже наглые рыжие коты не вправе возлежать с женой мужчины, дабы не остаться без хвоста.

Пункты настоящего договора действительны на протяжении всей жизни жены. Если раньше умирает муж, то пункты остаются в силе. Если ситуация обратная, муж становится свободным, как ветер.

Своими подписями вы подтверждаете, что брак был за-

ключен на борту летучего корабля, и вы были лично обвенчаны капитаном Тимуром Молниеносным по кличке Трубочист, он же колдун, свистун, брат Соловья Разбойника и просто обаятельный мужчина.

– Я не буду это подписывать, – хмуро произнесла. – Трубочист, я, конечно, все понимаю, но это перебор!

– М-да? – молодой мужчина никак не отреагировал на мои слова. Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице. – А по-моему я все учел.

– И кто помогал тебе составлять договор? – любопытствовала.

– Ну, кто-кто, – фыркнул капитан. – Муж твой, новоиспеченный, ребята мои brave и кот. Горыныч решил не участвовать.

– И какой пункт предложил мой муж? – я настороженно посмотрела на Гви.

– Он предложил один из вариантов наказаний.

– И какой из?

– Не скажу, – свистун явно наслаждался ситуацией. – Кот же решил, что ты должна ждать мужа у окошка. А мы, – он обвел рукой разбойников, – придумали все остальное.

– Не подпишу, – замотала головой.

Еще чего удумали. Я значит, безвольной куклой становлюсь, игрушкой мужа, а Гвидоша-а-а будет развлекаться в свое удовольствие.

– Ладно, – махнул на меня рукой Трубочист. – Пошутили

мы. Вот, – он достал из-за пояса штанов сложенный вчетверо лист желтоватой бумаги. – Ознакомься. Этот договор настоящий.

– Подумай еще раз, Ярослава, – произнес у самого уха Гви. – Я на шутку согласился в надежде, что ты одумаешься.

– Позор падет не только на тебя, но и на меня! – выпалила я и стала изучать второй договор.

– Мы с твоим отцом могли бы защитить тебя от слухов и сплетен.

– А как же ты? – я прервала чтение и посмотрела на мужчину. – Как же это извечное: Коли спас ты девицу, на ней обязан ты жениться. Девицу же в этом случае никто обычно и не спрашивает.

– Хватит сомневаться, – прервал наш тихий разговор Трубочист. – Подписывайте. А если будете артачиться, слух пушу, что вы уже возлежали!

Я ахнула и с ужасом посмотрела на парня. А я-то уже подумала, что мы стали друзьями...

– Подписывай, Ярославушка, – подал голос Тим. – Я ведь тоже могу слушок пустить.

– Окружили, ироды! – взревел Горыныч. – Опять все из-за бабы!

– Связали по рукам и ногам, – зашипела я.

Могла отказаться и потребовать просто доставить меня домой. Но по решительному взгляду свистуна поняла – бесполезно. Пока не подпишу, никуда не пустит. И слух точ-

но разлетится по миру Отражающему. Зачем ему это надо? Просто батюшку моего позлить? Скучно стало на корабле сидеть, решил поразвлекаться за счет других? Нас с Гвидоном узами повязать. Еще и Тимофей... Ясно же, как белый день – без него тоже не обошлось. Что же он такого сказал Трубочисту, что тот так охотно отказался от золотых? Только из-за призрачной надежды повстречать счастье? Так для этого не обязательно надо было нас женить. Или...

Ходили слухи, что кот ученый может людей из Хрустального переносить. Одно «но» – для попадания сюда должно быть условие. Своеобразная задача. Может... судьба Трубочиста из другого мира? Из Хрустального? Поэтому-то он и согласился на предложение кошака. Если думать так, то все более-менее встает на свои места.

– Ярославушка, подписывай, нам отправляться пора, – недовольно замурчал котик.

– Остригу, – рыкнула в ответ и все же поставила свою подпись.

– Не велика потеря, – махнул лапой Тим. – Для таких случаев у меня зелье специальное есть.

– Царь, теперь ваша очередь, – сказал свистун (с вполне себе нормальным именем Тимур) и, забрав из моих рук документ вместе с пером, передал их Гвидону. Тот, вот странность, сразу подписал. Даже возражать, как я не стал. Он что, согласен? Быть того не может!

– Отправляемся, – спокойным голосом проговорил Гви.

Документ он аккуратно свернул и положил в карман штанов.

– Даже на пир по случаю свадьбы не останетесь? – хмыкнув, спросил брат Соловья Разбойника.

– Некогда, – был ему короткий ответ царя. – Снижайся, Горыныч!

– Эх... только холостым стал и снова с грузом на шее, – тяжело вздохнул чешуйчатый и стал осторожно сокращать расстояние до палубы. Лишь бы одну из мачт не зацепил...

Я отвлеклась на фиолетового змея. И это была моя ошибка. Пискнуть не успела, как меня забросили на плечо и ловко стали взбираться сначала по подставленной мощной задней лапе, а потом уже по крылу. Тимка карабкался следом.

Я вся дрожала от страха и, кажется, забыла, как дышать. Только когда легкие обожгло, вдохнула теплый воздух. Меня вернули в вертикальное положение, развернули к себе спиной и помогли усесться боком у основания шеи. Точнее, шей. Левая голова скосила на меня взгляд, оскалилась и дыхла в лицо темным облачком дыма. Закашлявшись, закрыла лицо руками.

– А в морду? – мяукнул кот.

Он удобно устроился у меня на коленях, свернувшись калачиком.

– Лапы маловаты, – хохотнула голова.

– Успокойтесь, – произнес Гви и устроился позади (а точнее по левую руку от меня). Притянул к себе, обхватывая за

талию наглой конечностью. Второй же похлопал Змея Горыныча по спине. – Поднимайся, друг.

– Удачи тебе, Ярослава! – выкрикнул Трубочист и помахал мне рукой.

Я же сидела и не понимала – то ли кричать, то ли сразу в обморок упасть, от переизбытка негативных эмоций.

Ящер энергично замахал крыльями, поднимаясь все выше. Страх сковал меня, и я теснее прижалась к Гви. И пусть он подумает обо мне невесть что, мне так было спокойнее. Тимофей вон тоже занервничал. То и дело чувствовала, как его когти впиваются мне в ноги.

Летели мы долго. Спина начинала потихоньку ныть, глаза закрываться, руки замерзать... Да я бы часть царской казны сейчас отдала за одну лишь возможность хоть немного полежать и расслабить мышцы.

– Эх, – сказал Тим, когда ему надоело тягостное молчание, – вроде и молодые вы, а сидите, будто воды в рот набрали. Поперхнуться не боитесь?

– Чего тебе надо, кот? – спокойным голосом спросил царь Краснограда.

– Ну, поговорите друг с другом, – протянул рыжий прохвост. – Решите, кто из вас на полу спать будет, а кто на перинке мягенькой.

– На полу? – удивленно произнесла я. – На каком еще полу?

– Так вы, – охотно стал пояснять усатый, – супругами ста-

ли. Значит, ложе должны вместе делить.

Ощутила, как щеки заливает румянец стыда. Про эту сторону семейной жизни я-то запомнила.

– А давайте без ложа, а? – жалобно пробормотала.

Смотреть же старалась куда угодно, только не на Гвидона.

– Значится, – Тимофей прищурился, – ты у нас на полу ляжешь.

– Я царевна, какой еще пол! – возмущенно воскликнула. – Хватило мне и коморки на нижнем этаже корабля.

– Ты уже царицей стала, – мурлыкнул пушистый интриган. – Привыкай.

Дальше разговор у нас не сложился. Гви все время отмалчивался, кот болтал без умолку, а я... просто смотрела в даль и ждала, когда же появятся очертания родного дворца. И как только я увидела желаемое, сердце забилось быстрее, готовое выпрыгнуть из груди и пуститься вскачь навстречу дому. Горыныч завис над широкой поляной, возле главного крыльца и стал постепенно снижаться. Я же нервно завозила. Эх, что батюшка скажет? А Доброслов?

Когда мощные лапы коснулись земли, Змей Горыныч выпрямил одно крыло и замер. Любопытно, и как я слезать буду?

Хотела было спросить о том мужа, да только он и сам все понял. Встал на широкой чешуйчатой спине, помог мне подняться и на руки взял. Я же обхватила его за шею и прикрыла глаза. Как же мне было страшно в тот момент.

– Можешь отпускать, – сказал Гви и поставил на ноги.

Я сначала открыла один глаз, ловя им суровый взгляд отца, который вышел встречать гостей. Потом рискнула глянуть и вторым глазком, ухватывая уже им хмурого Доброслова. Ой, и не добрый он сейчас был.

– Ярослава, – первым начал говорить брат, – голубь с час назад прилетел с посланием странным. Написано там было, что сестра моя замуж вышла. Да благословения отца не получила.

– Я... – залепетала, не зная, что на это ответить.

– Да какое благословение! – воскликнул батюшка и заключил меня в объятия. – Моя дочь женой царя Красноградского стала! Теперь наш союз еще крепче будет.

Попыталась улыбнуться, но получился оскал. Как у той собаки, что забрела как-то во двор дворца и попыталась стащить у одного из стражников куриную ножку. Увы, заветную часть тельца птицы собака не получила, зато по голове палкой пару раз схлопотала. Вот и скалилась, готовая укусить обидчика за мягкое место.

– Пройдемте в дом! – продолжал радоваться мой родитель, таща меня за руку к крыльцу. – Надо же, какая радостная весть!

– Отец! – возмущенно воскликнул идущий следом Доброслов. – Давала ли сестра моя на то согласие?

– Ярослава? – батюшка остановился на первой ступеньке и посмотрел мне в глаза. – Союз добровольный?

– Э-э-э... – протянула и искоса глянула на Гвидона. Если скажу, что брак был вынужденный и нас против воли привязали друг к другу, проблем будет много. Пришлось соврать: – Ах, – высвободила свою конечность из ладони отца и прижала ее к своей груди, – это было невероятно! – Еще и глазами так хлоп-хлоп. – Он примчался за мной на своем фиолетовом жереб... э-э-э... – взгляд в сторону Горыныча. – На своем грозном змее и в честном поединке победил моего похитителя. Его движения были быстрыми и ловкими, взгляд сосредоточенным... – на этих словах брови мужа поползли вверх. – Силен муж мой. Не сыскать мне лучше. Одолеl супостата, да освободил меня. Посадил на коня... тьфу... на змея своего и умчался в закат, – тут я хмуро посмотрела на отца и спросила: – Так пойдет?

– Хм... – протянул государь. – Ярослава, я...

– Ой, – произнес Тим, – что-то я проголодался. Ужин когда подавать будут?

– И правда, – решила подыграть коту, – я так проголодалась.

Серомор не стал спорить и дальше задавать неудобные вопросы. Мы молча вошли во дворец и разошлись по своим комнатам. Точнее разошлась только я, а мужчины во главе с котом направились в отцовский кабинет. Чую, будут договор изучать. Как все же хорошо, что я не подписала первый вариант!

Для начала пошла в ванную. Необходимо было привести

себя в порядок. Там, после омовения, попыталась расчесать гребнем волосы. Не получалось. Эх... пора остричь!

Выйдя из ванной, направилась к шкафу. Достала оттуда красный сарафан, да рубаху простую. Надела все это на чуть влажное тело и довольно потянулась. Вот укорочу я сейчас длину и ладно будет.

Ступая босыми ногами по мягкому ковру, подошла к столу, на котором стояли ароматические масла и кремы. Открыла один из ящичков и взяла в руки острые ножницы. Посмотрела на себя в висящее напротив зеркало, что на стене висело, и стала примериваться, сколько надобно остричь. Только поднесла руку и приготовилась осуществить свою мечту, как в дверь постучали. Дернулась от неожиданности и чуть на пол не упала.

– Кто там? – спросила дрожащим голосом.

– Открой, Ярослава, – раздался голос Гвидона.

Ну что ж, ладно.

Отворив дверь,пустила в комнату мужа. Тот окинул меня строгим взглядом и заметил зажатые в руке ножницы.

– И зачем они тебе понадобились? – спросил и так зло на меня посмотрел, что появилось желание где-нибудь спрятаться.

– Подстричься хотела, – решила сказать правду.

– Отдай, – он протянул руку, намекая тем самым, чтобы я вложила в ладонь зажатый в моей конечности предмет.

– Зачем? – настороженно спросила.

– Я запрещаю тебе это делать. Отдай их.

– Ты не имеешь...

– Я твой муж, – ледяным голосом проговорил Гви. – И не даю своего согласия на подобные действия. Еще раз говорю, отдай.

Поупрямиться или смириться?

Решила немного повозмущаться и отступить. Пускай не думает, что ему жена покорная досталась.

Завела руку с ножницами за спину и стала осторожно отходить от царя.

– Ярослава, – тихий, вкрадчивый, я бы даже сказала, чувственный голос обволакивал. Только я обманываться не собиралась. Мотнула головой, прогоняя наваждение, и продолжила увеличивать между нами расстояние.

– О чем с батюшкой разговаривали? – решила перевести тему. Было любопытно, до чего они договорились.

– О договоре и о дне нашей с тобой отправке на Буян, – шокировал меня новоиспеченный супруг.

Застыла как вкопанная и непонимающе посмотрела на мужчину. Ой... ой-ой-ой...

– И когда, – тут я сглотнула, – отправляемся?

– Через три дня.

– Так скоро! – воскликнула. Как же не хотелось покидать отца и брата. – Может, с пару седмиц тут проживем, а потом...

– Ты забываешь об одной важной детали, Ярослава, – покачал головой муж. – Я тоже царь и меня ждут дела государ-

ственной важности.

Ну да, ну да... Как я могла забыть о такой мелочи.

– Значит, вам надо поскорее собираться, – постаралась говорить как можно убедительнее. – Паковать вещи... Сколько у вас сундуков? Сотня?

– Ножницы отдай и пойду паковать, – хмыкнул Гви и стал продвигаться в мою сторону.

– Давай решим вопрос полюбовно! – пискнула я и забежала взглядом по комнате. Где бы спрятаться...

– Полюбовно? – изогнул правую бровь Гвидоша-а-а. – Как интересно. Но прости, милая, сейчас нет времени. Отдай, говорю!

Так... куда бежать? В ванную? Там не спрячешься, замок на двери слабенький, да и добежать не успею. Балкон? Второй этаж, если правильно рассчитать силу прыжка... Бр-р-р. О чем я вообще думаю? Я взрослая девица, старая дева, между прочим, и думаю, как сбежать от собственного мужа, лишь бы не отдавать ему ножницы? Дворец большой, еще найду.

Когда Гвидон оказался достаточно близко, протянула ему желаемое. Его тонкие пальцы коснулись моей ладони, вызывая внутри непонятный трепет. Это что еще такое? Он же старик!

– Теперь все? – буркнула и отдернула руку.

– Все, – последовал короткий ответ, и мои ножнички скрылись в кармане штанов. – Обувайся и спускайся вниз.

Серомор решил устроить пир в честь свадьбы дочери с заезжим царем.

– А можно я не пойду? – спросила и поморщилась. Не любила шумные собрания. Хоть батюшка и устраивал их довольно часто.

– Пойдешь, – хмыкнул Гви. – Приведешь себя до конца в порядок и пойдешь.

– Кто бы мог подумать, – сказала я уже идущему к двери мужчине, – что мой муж – деспот!

– Решила меня этим удивить? – он обернулся на пороге и испытующе посмотрел на меня.

– Решила открыть тебе глаза. Вдруг ты не в курсе, что далеко не идеален?

– Я тебя разочарую, Ярослава, – на его губах появилась грустная улыбка. – Себя я знаю, как никто другой.

Когда за ним закрылась дверь, я прошла к шкафу, открыла дверцу и стала изучать свою обувь. Где-то тут у меня стояли бархатные сапожки...

Дверь в мои владения снова открылась, и показалась наглая морда кота.

– Еще не готова, Ярославушка? – спросил он и прошествовал к кровати. Примерился как следует, присел на задние лапы, побил хвостом по ковру и прыгнул. Промахнулся – упал на пол, сильно ударившись спиной.

– А говорят, – я улыбнулась, – что кошки всегда приземляются на лапы.

– Нагло врут, – мяукнул Тим и, встав на эти самые лапы, недовольно прищурился, изучая мое ложе. – Хорошо, что во дворце Гвидона у кроватей ножки пониже.

– Обязательно потребую у мужа, чтобы он их все заменил. Сейчас как раз мода меняется. Моя кровать уже устарела. Нынче все в Тричетвертом спят на более высоких.

– Издеваешься, да? – недовольно прищурился Тимофей.

– Я? – в притворном удивлении округлила глаза. – Ни в коем случае! За кого ты меня принимаешь?

– Тебе лучше не знать, – фыркнул рыжик.

– Умеешь ты поддержать разговор.

С огромным трудом, но мне все-таки удалось расчесать волосы и заплести их в косу. Надев на ноги тоненькие носки ручной работы, а затем и красивые сапожки на небольшом каблуке, приготовилась явить свой лик собравшимся в обеденной гостям. Кто бы знал, как мне не хотелось туда идти!

– Не кисни, словно капуста в железном ведре, – Тимка последовал за мной. – Держи грудь колесом, а нос по ветру.

Отвечать ничего не стала. Тоже мне, советчик нашелся.

Гостей оказалось много. При моем появлении они все, как один, резко поднялись со своих мест и склонили головы. Кивнула, выказывая тем самым свое почтение, и прошла к свободному месту, которое, увы, находилось по правую руку от моего мужа. С левой стороны находилось место отца, рядом с которым сидел Доброслов с женой. Та сочувственно улыбнулась и снова стала изучать содержимое своей тарелки.

– Я уже думал, не идти ли за тобой самому, – прошептал на ухо Гви, когда я присела на стул рядом с ним.

– Ну что вы, свет очей моих, – я невинно захлопала глазами, – я просто приводила себя в порядок.

– Mr-р-р, да-а-а, – раздалось из-под стола. – Приводила. Про кровати говорила. Гвидоша, думаю подпункт наказаний под номером 3.1.1. был придуман тобой не зря.

– Ах, – я с возмущением посмотрела на «старика», – этот пункт придумал ты!

– Я, – невозмутимый ответ.

– Зачем? – недовольно засопев, спросила.

– Мне нравится, когда ты смущаешься. А стоило тебе дойти до этого пункта, как твои щеки опалил румянец.

Смолчала. Потому что не могла в этот момент на него злиться.

Перевела взгляд на уставленный разными яствами стол и стала выбирать, чтобы такого положить в свою тарелку. Ела-то я давно. А сейчас уже считай время к позднему ужину идет.

– Гости мои! – вставая из-за стола, произнес батюшка. – Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы...

Чтобы сплавить засидевшуюся в девках царевну старому царю. Лукавлю, конечно, но если смотреть на вещи без розовой пелены... Отец хотел, чтобы я вышла замуж за Гвидона, и он добился своего. И пусть сам особо не поспособствовал этому, цель была достигнута. Сколько лет, Серомор

твердил, что негоже девице царских кровей столько в девках ходить. Кого только мне не сватал. И царевича Белозора, и царя Молчеслава (не шибко говорливым был мужчина), и младшего сына Тунгуса Икотку. Я как имя услышала, так сразу отказалась с ними родниться. Во-первых: Икотка был на мой вкус низковат и кривоват. А его носом можно было землю рыть. Во-о-от такой вот был пятачок. Короче, дело к ночи, а я еще не поела.

Выбрала себе небольшой кусочек рыбки, немного овощей и лепешку. Вредно, знаете ли, на ночь много есть.

– Молодые могут удалиться, – произнес отец, когда я уже доедала рыбу.

Кажется, в моем горле застряла кость. Встала поперек и дышать мешает. Или это меня так слова батюшки удивили?

– Чего ты кашляешь, Ярославушка? – обеспокоенно спросил Тим. – Давай, я тебе лапой по спине постучу.

– Н-не н-надо! – удалось выдать из себя.

– Ну как знаешь.

Захотелось наступить коту на хвост. Стала прощупывать пол ногой и, когда показалось, что я нашла желаемое, наступила на кошачью часть тела каблуком. Гви почему-то тихо зашипел и зло посмотрел на меня. Ой...

– Возлюбленная, – стал чуть ли не выплевывать слова муж, – супруга моя, вставай из-за стола и пойдем в выделенную нам супружескую спальню.

– А может, не надо? – пролепетала я. – Я не специально.

Я думала, там кот.

– Я что, по-твоему, идиот, на одном месте сидеть? – фыркнул Тимофей. – Знаю я тебя. Один раз уже попался.

– Вот вроде взрослая девица, – Гвидоша-а-а прищурил голубые глаза, – а ведешь себя как маленькая девочка.

– Ну, ты и... – я даже не знала, что сказать на подобное высказывание мужчины.

С одной стороны, он был прав. Я не всегда вела себя так, как подобает царевне, а с другой... Уж лучше быть такой, чем безразличной ко всему и вся царицей, какой была Лебедь. Доходили до наших земель слухи, что эмоций у нее было меньше, чем у царевны Несмеяны. Я, по крайней мере, не притворяюсь хорошей. Да, во мне много недостатков и иногда со мной сложно найти общий язык. Но не настолько же я плохая?

Перевела взгляд на отца. Надо было прояснить ситуацию.

– Отец, – заговорила тихо, чтобы больше никто не услышал, – могу ли я надеяться, что ты выделишь мне отдельную комнату? А еще лучше будет, если я останусь в своей.

– Милая, – Серомор прямо-таки лучился счастьем, – супружескую спальню уже подготовили.

– Но я не хочу, – застонала.

– А придется.

– Но батюшка...

– Я все сказал, – отрезал родитель.

Приглашенные гости стали уже косо поглядывать в нашу

сторону.

– Повезло тебе, – зло стала говорить, – что здесь много народу, и я не могу использовать силу.

– Угрожаешь отцу? – удивленно спросил Серомор.

– Нет.

Лукавила, конечно. Еще как угрожала.

– Ой, – спохватилась я, только сейчас обнаружив, что браслета-блокатора на моей руке больше нет. – Как...

– Я снял, – произнес Гви.

Непонимающе посмотрела на мужа. Когда успел? Кажется, этот вопрос задала вслух.

– Ты так погрузилась в свои мысли, когда мы летели сюда на Горыныче, что не замечала ничего вокруг себя. Даже то, что Тимофей как следует продрал тебе сарафан своими когтями, ну и момент, когда я снял браслет, тоже пропустила.

– Но как ты смог?

– Муж имеет на это право.

Надо же, а я и не знала... И теперь, получается, браслет у него и он может в любой момент надеть его обратно.

Царь Гвидон встал, отодвинул стул и протянул мне руку.

– Пойдем, все ждут, когда мы удалимся.

И ведь, правда, сидят, смотрят...

– Идите, давайте, – нетерпеливо мурлыкнул из-под стола кот. – Как только вы удалитесь, самый пир начнется.

Ну да... как я могла забыть о таком? Ведь пару лет назад Доброслов женился.

– Пойдем, душа моя, – ласково-ласково пропела я. А взгляд мой, в свою очередь не обещал ничего хорошего. И пусть, касаясь его руки своей, я испытывала непонятный трепет, просто так не сдамся. Меня лишили свободы, увезут из родного дома... Только вот, пришлось признать, что Гви ни в чем не виноват. А кто виноват? Правильно, кот! Этот рыжий прохвост все подстроил наилучшим для себя образом!

Муж положил мою руку себе на сгиб локтя и накрыл чуть подрагивающие пальцы широкой ладонью.

– Не бойся, – в его голосе слышалось тепло. – Не трону, пока сама не захочешь.

Ну, вот... мои щеки снова запылали! И ведь поверила ему. Точно не причинит вреда.

Выйдя из обеденного зала (или обеденной, разницы особой не было), Гви последовал за дворцовым слугой, который все это время ждал нас у входа. Проводив до нужных комнат, он отворил дверь и поклонился.

– Ты не понадобишься, – сказал ему царь Краснограда.

Он первой пропустил меня в комнату. Просторно, светло и уютно. Что еще нужно супругам? А нужно, между прочим, многое... Любовь для начала. Взаимная.

– Пр-р-пропустите! – промурчал за моей спиной и промчался мимо. – Тут могут быть мыши!

– Тимофей! – возмущенно воскликнула я.

– Бесполезно, Ярослава, – сказал Гви, закрывая дверь. – Если этой горжетке что-то взбрело в голову, то с ним без

толку спорить.

– Правду царь говорит! – раздался голос Тима уже из-под кровати. – Слушайся мужа. Вы теперь оба здесь три дня жить будете. Вещи ваши перенесли, я проследил. И вообще, еще надо решить вопрос, кто из вас двоих на полу спать будет. Хотя, стоит признать, мне больше нравится вариант вашего совместного сна на кровати.

Ну, что сказать. Я полезла под кровать, доставать наглого рыжего прохвоста.

– Не тронь котика! – замяукал Тим и стал пробираться к изголовью кровати.

Не обратила на его слова никакого внимания. Вот сейчас как достану, как начну из хвоста по одной волосинке выдергивать...

– Ярослава, – раздался где-то сверху голос мужа, – ты же взрослая девица.

– И что? – мой возмущенный вопрос.

Я уже наполовину залезла под кровать, ведомая лишь одним желанием – проучить Тимофея.

– А то, супруга моя, – немного устало стал пояснять Гви, – что твое поведение больше подходит для девочек десятилетнего возраста.

Это слышать было обидно. Так и застыла в довольно неудобной позе, показывая мужчине свою нижнюю часть тела. Кхм... может, лучше вылезти и как примерная супруга расстелить кровать, да отправиться на боковую? А Гвидона

на полу уложу...

– Какой там десятилетний возраст, – подал голос наглый кот. – Пять, не больше!

Я уже начала вылезать, когда до меня дошел смысл сказанных Тимом слов. И я снова поползла в его сторону. Достану и оторву этому наглецу хвост!

– Ярослава, одумайся! Я ценный кадр!

– Не велика потеря.

– Вот все вы такие, не цените старания кота!

– Ничего себе старания, – разозлилась я. Еще немного и хвост мой. – Ты намекнул на то, что я еще маленький ребенок!

– А кто ты? – фыркнул котик. – Ребенок и есть, раз за бедным несчастным котом охотишься.

В чем-то Гви и кот были правы. Сама страдала от своего характера. Поэтому смолчала и просто продолжила ползти навстречу коту. Тим хотел было проскочить мимо, но я поймала заветную часть тела.

– МЯ-А-А-А-У-У-У!!! – заверещал Тимофей и дернулся изо всей силы вперед.

Увы, хвост я выпустила.

– Ярослава, – вздохнул наблюдающий за нами Гви, – вылезай. Хватит пыль собирать.

– Хорошо, возлюбленный супруг мой, – пропела довольная я и стала вылезать.

Предстала пред светлы очи мужа растрепанная, немного в

пыли и тяжело дышащей. Все же обратный путь был тяжелее. Не видишь, куда ползти надо – сзади-то глаз нету.

– Гвидоша, давай уложим ее на полу? – произнес разобитый Тим.

– Зачем же, – уголки губ царя немного подрагивали, – пусть на кровати спит.

– А ты на полу спать будешь? – спросила я, поднимаясь на ноги.

Отряхнула сарафан, поправила волосы и стала ждать, что же Гви скажет.

– Я планировал занять правую сторону супружеского ложа, – удивил меня своим заявлением царь заморский.

– Ты же сказал, что я на кровати ночь проведу, – прищурилась я. Кто-то явно задумал неладное.

– Ты займешь левую половину.

– Я с тобой спать не буду! – возмущенно воскликнула.

Воздух пробежался по ногам, пытаюсь успокоить свою хозяйку.

– А вот я планирую спать с молодой женой, – хмыкнул Гвидоша-а-а и... стал раздеваться.

Видела я, как на речке мужики купаются, но, то издалека наблюдать и совсем другое лицезреть мужа в полном неглиже. Ну, или частичном.

– Как все удачно складывается, – промурлыкал у его ног наглый кошак.

Гви опустил взгляд на рыжего. Сложил руки на груди и

строго-строго просмотрел на кошака.

– Что? – непонимающе спросил тот у хозяина.

– Сам выйдешь или за шкуру вытащить? – невозмутимым голосом спросил Гвидон. – Помнишь один из пунктов первого договора? Никаких рыжих котов в супружеской постели.

– Так я это, – котик почесал задней лапой за левым ухом, – вон там, на кресле спать буду.

– Нет, не будешь.

– Это что же получается, – засопел Тимофей, – меня, советника царя Красноградского, да в коридор?

– Именно, – кивнул этот самый царь.

Котик печально вздохнул и поплелся в сторону двери. Примерился к ручке, прыгнул, оттолкнулся лапой и вот он уже по ту сторону комнаты. Смотрит так печально глазами своими зелеными. Странно только, что жалости ни у кого не вызывает.

Царь подошел к порогу, закрыл перед его носом дверь, еще и защелку подвинул.

– Ну, – теперь его внимание было полностью сосредоточено на мне, – мы спать сегодня будем? Прости, возлюбленная супруга моя, но я очень устал сегодня и не настроен на долгие препирательства и споры за полное владение кроватью. Так уж и быть, могу уступить тебе правую сторону.

А я... смотрела на его оголенный торс и все больше убеждалась в том, что до старика ему еще далеко... Сглотнула, с

трудом оторвала взгляд от довольно привлекательного тела и посмотрела в голубые глаза.

– Вы так щедры, государь, – ровным голосом произнесла я. Чего мне это стоило, кто бы знал! – Но меня устроит и левая.

Гвидон бросил на меня последний взгляд и продолжил раздеваться, абсолютно не стесняясь моего присутствия. Я же, наоборот, жутко смущалась и решила переодеться в ванной комнате. Нашла в шкафу самую скромную сорочку, чтобы не давать супругу повода для ненужных мыслей, и направились, куда и планировала. Хотя и являлась девицей неопытной в любовных делах, но была наслышана про то, что муж с женой в одной постели делают. Явно же, что не в крестики нолики играют. Ну, если только в карты... на раздевание. Это мне Галина, местная знахарка рассказывала, как они по молодости с дядюшкой Гришей так развлекались. Я только смеялась и думала, что мне такое не грозит. А вот теперь... кто ж его знает, может и мы как-нибудь в картишки перекинемся... Не на раздевание, само собой, а так... на медяки сыграем. Играет же царь Гвидон в карты? Или нет?

Выйдя из ванной комнаты, сразу же юркнула под одеяло. С правой стороны. Просто она ближе была. Гви, который до этого изучал содержимое шкафа, бросил на меня хмурый взгляд.

– Что? – спросила у мужа, до подбородка накрываясь одеялом.

– Ничего, – сказал супруг, но не перестал на меня смотреть. А я на него.

– Что-нибудь интересное нашел? – спросила, чтобы хоть как-то отвлечь его. Явно же из-за моего посягательства на правую половину хмурится.

– Да, – был мне короткий ответ.

– И что это?

– Ну, во-первых, – стал говорить муж, поворачиваясь ко мне всем корпусом, – не все мои вещи перенесли. Половины так явно нет. А во-вторых, как ты это носишь? – спросив, он снова повернулся в сторону шкафа и достал с нижней полки сапожки на высоком каблуке.

– А-а-а, – протянула я, смотря на это розовое безобразие местного свободного художника по одеждам и обуви. – Это... м-м-м... – Как объяснить ему, что я не ношу этот ужас, и он просто лежит и ждет, когда его съест зубастая моль?

– Только не говори, что это твои любимые, – он бросил обувку обратно на полку.

– Терпеть их не могу, – решила сказать, как есть.

– Будто камень с души свалился, – поддел меня Гвидо-ша-а-а.

Устроившись на второй половине кровати, он потянул одеяло на себя, полностью стягивая его с моего тела.

– Эй! – возмутилась я и мертвой хваткой ухватила за краешек. – Отдай!

– Прости, Ярослава, но оно слишком короткое, так что тебе придется пододвинуться.

– Еще чего, – буркнула я. – Спи вообще без одеяла.

– М-м-м-м, – супруг сделал вид, что задумался. – Нет.

Взял и повернулся ко мне спиной.

И чего уперся? Как баран в новые ворота. Между прочим, он не голый спит, не замерз бы. А я... а я и в одежде продрогнуть могу. Эх, конфетки-бараночки, что за муж мне достался. Пришлось пододвигаться чуть ближе и отвоевывать принадлежащую мне по праву часть одеяла.

Заснула быстро. Видимо, стресс прошедшего дня сказался. Когда еще на трехголовом змее полетаю. Интересно, а куда его поселили? У нас загонов таких размеров нет...

– М-ми-и-ия-а-ау-у-у, – врезался в уши странный звук.

Ну, кто так делает, а? Я только глаза сомкнула и стала сон чудный видеть, а тут... Странное завывание. И откуда оно доносится?

– М-м-м-мя-а-а-ау-у-у, – снова раздалось мяуканье. А, так это было оно? А я-то думаю, что по чистой тарелке ножом водит.

– Открывайте, ироды! – а вот это был уже пьяный голос. Кошачий пьяный голос.

Глаза распахнулись сами собой. Тимофей что, наклюкался?

Посмотрела в сторону царя и увидела того лежащим на спине и недовольно изучающим потолок.

– Белые розочки, – хмуро произнес он.

– Что? – не поняла я.

– Почему потолок усыпан этими цветами?

Перевела взгляд наверх. Хм... и что ему не нравится? Ну розочки, ну белые. Да, некоторые правда похожи на жуткие мордочки морских духов.

– Открывайте, говорю! – взвыл Тим из коридора. – А то я дверь выломаю! – сказал и лапкой поскреб прочное дерево.

– Скажи отцу, чтобы перекрасил, тут же спать нормально невозможно, – невозмутимым голосом сказал муж.

– Гвидон, ты что, не слышишь, что там кот говорит?

– Почему же, – стал отвечать Гви, – слышу. Да только не реагирую.

– Мя-а-а-а-ау-у-у!

– И с чего его так развезло?

– С валерьянки.

– Ой, что-то мне плохо, – вымучено мявкнул Тимофей и послышался звук упавшего на пол тела. Маленького и пушистого тела.

Не выдержала, соскочила с кровати и побежала открывать дверь.

Кот лежал на ковре и не подавал признаков жизни. Не сразу даже заметила, что он дышит. Склонилась, внимательно вглядываясь в наглую морду. Потянулась рукой, чтобы почесать пьяного котика за ушком, но тот резко распахнул глаза и громко мяукнул.

Отшатнулась от неожиданности, и чуть было не упала. Хорошо, что дверной косяк поблизости был – за него и схватилась рукой.

– Тимофей! – возмущенно воскликнула, смотря в зеленые глаза. – Нельзя же так пугать!

– Нельзя нетрезвого сваху в комнату не пускать, – фыркнул Тим и поднялся на лапы. – А вот пугать девиц, вполне.

– Тимофей, ты либо заходишь, либо нет, – раздался за спиной голос Гви. – Поздно уже.

– Эх, – махнул на него лапой котик. – Старость – не радость. Нет, чтобы пойти погулять при луне, они спать завалялись. Я бы предложил еще вариант, но тебе, Ярослава, он не понравится. Ты у нас барышня нежная, с мужчинами еще в этом плане не сталкивающаяся.

– Мне не нравится твой невысказанный вариант, – хмуро посмотрела на Тимофея. – Сводник лохматый.

– Я не лохматый, – обиделся усатый сваха, – я пушистый.

В общем, ночь не удалась. Спала я плохо, потому что этот прохвост так и норовил залезть под одеяло. А нам с Гвидоном и так места было мало. То я его спихну, то царь... Так и спали.

Утром проснулась от того, что было трудно дышать. Волосы упали на лицо, щекоча нос и мешая нормально повернуть голову и все же посмотреть, кто там такой наглый меня придавил. Не сразу удалось вспомнить, что вообще-то я сплю не в своей комнате, а в супружеской спальне. И, соответствен-

но, грузом, который придавливал меня к кровати, был мой новоиспеченный супруг.

Попыхтев, поняла, что не в моих силах спихнуть его с себя. Ногу мужчина положил так, что я не могла нормально пошевелить нижними конечностями, а руки... Они обхватили меня поперек талии и прижали к горячему телу. Ой-ей...

Не могу сказать, что мне были неприятны объятия мужа. Даже наоборот, но смущение... Никак не могла задвинуть его в самый дальний уголок своей души. Хотя и была я уже девицей взрослой и по меркам Тричетвертого государства старой, но в амурных делах опыта почти не имела.

– Гвидон, – тихо позвала супруга. Тот продолжал сопеть мне в шею, вызывая на коже толпу мурашек. – Гвидон, отпусти, – для верности еще и заелозила активнее. Вдруг проснется.

Позвала бы на помощь кота, да того и след простыл. Не было его в комнате. Только рыжая шерсть на одеяле напоминала о бурно проведенной ночи. А как ее еще назвать? Он ведь не давал нам спать!

– Гвидоша-а-а, – протянула я и постаралась разжать живые тиски, которые захватили в плен мою талию. – Ну, Гви...

– М-м-м-м, – пробормотал непонятное царь и потерял носом о мою шею.

У-у-у-у... конфетки-бараночки, это же невыносимо! Да я... я... сдамся на милость победителя если он продолжит так делать. Не хорошо. Рано. Да и как я могу спать с мужчи-

ной, который меня не любит? И что, что муж... Брак-то был вынужденным!

Поняв, что готова пойти на все, еще более усиленно стала елозить в его объятиях. Если хоть немного приподнять левую руку, а ногу отвести чуть в сторону...

– Царица, лежи спокойно, – пробормотал Гвидон, тесно-тесно прижимая спиной к своей груди.

Замерла, затем сглотнула. Что-то явно было не так, что-то... мешало мне нормально лежать. И догадка, что именно такое это было, вызвала на моем лице румянец. Да сколько можно смущаться? Этот конкретный царь на меня плохо влияет.

– Утро, возлюбленный супруг мой, – постаралась говорить спокойно, хотя голос немного дрожал. – Пора вставать и идти на завтрак.

– Завтрак подождет, – сонно пробормотали мне на ухо.

Ы-ы-ы... не могу так. Еще совсем чуть-чуть и я расплавлюсь.

– Может явиться батюшка, – привела, как мне казалось, весомый аргумент.

– Не станет он в комнату молодых ломиться.

– Скажи честно, тебе просто лень, – недовольно засопела я.

Не то чтобы я хотела есть, просто близость мужа вызывала во мне противоречивые чувства. И большая часть из них была мне нова. Ни разу подобного не испытывала. Даже когда с

сыном конюха по углам пряталась и целоваться училась. Думала, вот она моя первая и единственная любовь. Зачем мне царевичи, если мой избранник, хоть и не богат, но намного благороднее этих изнеженных юношей? Ошиблась. Сын конюха оказался... практикующим целователем всего и вся. А ведь такая любовь была яркая. У меня к нему. А чего этот неугомонный себе напридумывал и знать не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.